

МАТУСИНЕ БЛАГОСЛОВЕННЯ.

(Зь оповідань Олексія Петровича Сторожєнка).

Отпѣсєска-матчина молитва зо дна мѡря виймає,
Одъ грѣхвѣ дѹшу визволяє,
На пѡлі й на морі на помічъ помагає.

Народня дума.

Мині частєнько доводилось, клопота́вшись ремѡнтомъ, кидатись туди-сюди по Вкраїні до кінських табунівъ.

По дорѡзі изъ Ромна до Прилѹки, все, було, становлюся на нічъ у селі К** на вїздімъ-дворі знакомаго мені козака, Тараса Самсоновича Коротая, діда розѹмного, письменного и добре собі замо́жного. Повивѡдивши дітей у лѹде, вінъ поділивъ худѡбу свою, достатокъ добрий, зоставивъ собі тільки самий двіръ уїздний и тихо доживавъ віку зъ своєю дружиною, доброю та клопітною бабѹсею.

Тарасъ Самсоновичъ доживавъ сѡмого десятку лїтъ, а ще бра́вий бувъ, кремезний дїдокъ, съ поглядомъ бїстримъ, а волѡсся ємѹ, біле якъ цвітъ на садахъ, трѡхи до плечей не спадало. На видѹ здавався черезъ те ще свїжїйший. Марьяна Онѹпрїевна, дружина єго, весєла, привітна, грубєнька зъ стану бабѹся, ходїла по-мїськїй, тагъ, у каштанкѹ, и завязувалась чѡрною габѡвою хѹсткою нїзько на лѡбі. Старі жили собі въ любїй згѡді по старосвїтському звичаю; у розмѡвахъ съ собою звали одно одного по йменю и батькові, та усє на «ви», а не инако.

Старїйший синъ вїслуживъ на губєрського секретаря, молодїй въ Роменськї кѹпці написався, а дочка, то на панствї вже жила, за дворяниномъ. Тарасъ Самсоновичъ, чи то зъ похвалки вінъ,

чи такъ якбсь на жартъ, а все було старшого дращить *Его Благородіе*, меншого—*Господя Купецъ*, а дочку прозвѣвъ *Нимкеню*—черезъ тѣ, мабѣть, що вона у сукняхъ ходила, въ моднихъ уборахъ.

Старій бувъ дуже гострий на языкъ,—важний зъ нѣго бувъ гадула, охоту мавъ пореготѣть, а инколи й підсміяти когб, та все примовками смішними, и що бовкне на глумъ, ти бері собі на умъ, а скажешъ слово—на все въ ёго найдеться приказка. Бувъ у всѣхъ на повѣзі и на ймовірности. Селяне въ свѣркахъ и розсправкахъ не йшли до судівъ и до земського начальства, а все до ёго удавалися, и ёго вірікъ приймався безъ озву и апелліці. Нещо вже паничі судові, и ті ёго опасувались: не одного опѣнтавъ вінъ передъ громадою и на чисту воду вивѣвъ. Більшъ двадцѣтка годъ служивъ за Голову; гарѣздъ умѣвъ законівъ и доброго ладу доводивъ справамъ.

Господя Тараса Самсоновича ділилася скрізними сінцями на дві половини—одна отдавалася для проїзжачихъ підъ номері; у другій живъ самъ.

У мене душа раділа на порбзі цѣго не бучного, але до-велика чепурного, захісного житлѣ. Гарно побіляні стіни викрашалися образками заграничної літографіі. Вишарований, вигеблѣваний помість лощивъ якъ новий; замість лавокъ роставлено стільці и канѣпъ підъ бѣевими клітчастими чохлами. Въ кутку, підъ божничкою, на столі, окрімъ книжокъ церковнихъ, лежали ще *Письмовникъ Кургалова*, *Проповѣди Леванды*, *Лѣствица на небо* и другі тогбжъ розбѣру книжкі, а съ підъ щбтівъ дивилась здорова купа губѣрськихъ відомостей; а божничка-жъ то уквічана васільками, кануперомъ, аглицькою мѣятою,—такъ и розливалися зъ їхъ пахоші по покбяхъ.

Одъ уїздного двѣру одлягала широка левѣда зъ ставкомъ, садкомъ, горбдомъ, баштаномъ, а въ-конѣць левѣди стоявъ хольварокъ, зъ хазійствомъ Марьяни Онупрієвни: пасѣка, обѣра и птішня для дробини, зъ кучками, чи то кбйцями.

Разъ, на сході Сѣрпня, зъ-ранку, коло одинадцѣтої годіни, бричка моя стала підъ цімъ же вїзнимъ дворцѣмъ. Тарасъ Самсоновичъ сидѣвъ на лавочці біля дверей и дуже зрадѣвъ, менѣ побачивши.

— »Занято, неприймаю!» гукнувъ. Шукайте гіншого під'їзду! На що це похóжо?—приїхали не почувать, а тільки попáсувать.»

— »Пильне діло, Тарась Самсонович» казавъ я, вилізаючи зъ брічки; »нужда законъ перемінняє.»

— »Ну, Богъ зъ вами! на сей разъ вибачаю; а вдрúте, дáлебі, не пушчú!»

Я обінявъ старóго и по-друзькій зъ нимъ чмóкнулись.

— »Якъ же тебе Богъ мýє?» питаю.

— »Дякувать Бóгу—дóбре. — Навідали насъ недáвнечко наші. Господá Купецъ привóзивъ жінку молодú показувати; а підъ той часъ и Ёго Благорóдіє зъ сімтьою, и Нимкєня зъ чоловікомъ нагодились; спасибі їмъ, зъ тиждень прогостювали. Отъ було вєсело! За тежъ, віри не дастє, якá тепєрь нýда! Після ярмарку и тóргу нема! Самъ собі сиджú, якъ бачите.

— »А Марьяна Онúпрієвна?»

— »Зовсімъ здуріла. Узяла до себе на розвагу онúка. Бачте, не мала баба клопоту, та купила порося—и вóзитця зъ нимъ, якъ китъ зъ оселєдцемъ. Бавитця, граєтця вь-кóні. Скáзано—старє, якъ малє. А вінъ, собáчий синъ, пудить старú безъ мýлости, що їй вже й такъ запáль и шпатъ вкóпились! Онъ-бнъ—подивітця: ну, не здуріла жъ на старість?

Тарась Самсоновичъ показавъ на Марьяну Онúпрієвну, що сáме вискочила зъ-за причлку. Хочъ якá була вморхана, хочъ якъ задихалась, а голова нáбігъ, та звивáєтця якъ тая орчикова, стрибає та брикає; а жвáвий хлопчикъ при здоровью, шостачóкъ на годá, тягнóвъ її за пояскй, пришилині до капóта.

— »Бóже мýлостивий,» казавъ дáле Тарась Самсоновичъ, хитáючи головою: »якє нависнє сєрце—у тихъ бабóкъ! Та гóді мордувáтця,» гримнувъ дідъ: подивітця лишєнь, якóго гóстя Богъ намъ пославъ!»

Стара припинилась. На-сйлу дóхъ звóдила—тагъ збóгалась. Угледівши менє, затулила видъ рука́ми, и миттю кинулась у-двері. На порóзі посіяла черевіка, ажъ плóхнувся на рундуці.

— »Діду!» сказáло хлопця, показуючи черевіка: »коби́ла розкувáлась!»

Зареготáлись ми.

— «Отъ до чого доїздивсь, собачий сину!» говоривъ старий, жалючи онука, славноенького хлопчину. «Озьми жъ підкову, да бабу підкуй.»

— «Німкенинъ?» спитавъ я, глядючи хлопчика.

— «Ні, се Его Благородія; тажъ и воно, якъ бачите, благородіє собі, хочъ таке, якъ за денежку пістолеть; та все не нашъ братъ, мужикъ. Просимо милости до хати.» —

Переходивши сіни, ми чули дзвінкий глосъ Марьяни Онупрієвни, якъ вона опоряждала въ пегарні, загадуючи наймичкамъ: — «Ріжъ каплуна, запарюй тісто, біжи по раки, унеси масла зъ знімокъ.»

Тарасъ Самсоновичъ приймавъ мене за гостя и ніколи не хотівъ плати за обідъ та попаси коней, а щобъ не бути виннимъ ёму, я що-разу привозивъ гостинчика: книжечку, образочокъ, або цигарки: на се вінъ бувъ здорово ласий и звавъ їхъ головешками. Той разъ я привізъ розмалёвану літографовану картинку: штурму Варшави, та скринечку ліхенькихъ цигарокъ. Старий любовавъ картинку, да чогось усё стогнавъ и кувився, згадуючи, що я не зостануся въ ёго почувати. —

— «Не любі мені ваши подарунки й тріхи» говоривъ мені зъ жалёмъ: «годъ не бачились, а заіхали на часокъ; а менібъ треба багачко зъ вами побалакать, та де-що й розказати—теперъ нічого не почувате!»

Покинъ що, старий не вгававъ, и часъ нечутно блізівся до обіду. Хазійка увійшла до насъ зъ розжіврілимъ відъ огню личчемъ и завітала насъ до садку, де вони літнёго заспіль часу обідали.

Обідъ бувъ споряжений підъ гіллястимъ дубомъ, такимъ, що може ёго тромъ не обнять. Навкруги дуба грядочка квасолі та бобу, котрихъ паростя, поспілітавшись на тичкахъ, роскішно повились буйно-ярою зеленню мало-що не до верхівни, и тимъ ще більший робило холодокъ коло дуба. День бувъ душній, соняшне проміння наче спігало усю зёмлю, а підъ дубомъ було свіжо, просторо и відрадостно. Меже двомя дерновими лавами стоявъ накрітий стіль, заставляний мисками, горшгками, мавітрами.

— «Оце наше гульбище», промовивъ старий.

— «Тутъ літомъ сидимъ увесь день, а въ хату тільки спать идемо».

Старий прочитає гóлосно Отче нашъ, тай узались ми до смачного обіду.

На закуску натрусили гливъ, дуль, грушóкъ бергамóтъ, сливо́къ зъ деревья, якé бу́ло по близу́, наносили зъ баштану динь та кавунівъ.

— »А вамъ, бачу́,« сказавъ сміючись хазяїнъ, »нашъ дубъ сподбавсь... по всій околиці такого не знайти.«

— »Чудовий! щó ви ёму лічите рóківъ?«

— »Двісті годъ кла́сти; ми его зве́мъ *Матусине Благословіння*; та па́дькаємось коло ёго, коли́бъ ви зна́ли, мовъ коло малі́ дити́ни.«

— »Черезъ щó ви ёго зве́те—Матусине Благословіння?«

— »Зіста́ньтесь почува́ть, то роскажу́; а по ва́шому сказа́вши, істо́рія ёго дуже га́рна, и не ка́зка або вига́дка, а щі́ра пра́вда.«

— »Дру́гимъ ра́зомъ почую́.«

— »Ко́ли не забу́ду. Я збі́рався роска́зати про ёго Гого́лиши́ному пани́чеві Микола́йнові, та о́це й до́сі роска́зую.«

— »А ви й то́го зна́ли?«

— »А то́жъ! зъ са́мого малку, якъ ще ёго вози́ли до ни́женьснихъ шкі́ль. Все бува́ло въ ме́не становля́тця. Розу́мний бувъ хлопець. Ви́нъ те́перъ про насъ пи́ше щось, та й дуже, ка́жуть, до́бре пи́ше.

Мені прóбу за́кортіло почу́ти про то́го, дуба; хочъ и пи́льна ну́жда була і́хати, та дума́ю собі—зверну́ти, на ну́жду.

— Щó жъ, ка́жу, Тарасе Самсоновичу? Ну́жда и за́ко́нъ зми́няє. Зо́станусь — роска́зуйте.

Марья́на Ону́пріевна пішла по господа́рстві, а найми́чка дога́длива унесла́ намъ поду́шки; ми прости́глися на дерно́вій ла́ві.

Тихе́сенькій ві́трéць, пролі́таючи крі́зь лис́тя, пові́нує на насъ па́хощами резиді́, гвозди́ківъ, та й ми, по до́бримъ обі́ді, не чу́лися, якъ послу́ли, и про дуба байду́же. А про́кинувшись, за́разъ не про щó, якъ про Матусине́ Благослове́ння за́вели рі́чъ. Старо́му, бачу́, то жъ корті́ло. Старовина́—до́вге житт́я—ти́ї спо́минки. Ко́му не ле́бо до́вго на сві́ті жити?

»Я буду́ вамъ такъ роска́зувати, якъ чу́в одъ сво́го ді́да,« поча́въ старий, за́куривши *голове́шечку*; »а ді́дъ чу́в одъ пра́ді́да, а мого пращу́ра. Ді́ялося це́ тоді́, якъ Богданъ Хмельни́цький ря́товавъ ба́ть-

ківщину. Піднялась разомъ уся Україна,—хто здужавъ Ляха зъ лука, зъ оружини підцокнути, або кіємъ оперезати.

Не диво, що въ такій гурбі люду да въ такій справі святій проявилось стільки полковниківъ, старшинъ, лицарства и такі діялися діла, що не чувано першъ ніколи та вже ніколи, мабуть, и не почуємъ. По Кореунській потребі, якъ збурені Ляхи розбіглися по своїхъ замочкахъ, гетманъ щобъ не дати їмъ схаменуться, пославъ на їхъ нечисленну лічбу охочого козацтва, що било и грабовало науміръ шляхту и негондлівъ. Підъ той часъ межъ козаками и межъ самимъ простимъ народомъ, обралися такі ватажкі, що постягавши охочого товариша, ажъ на Волинь и на Поділь ходили господарити. Тоді-то виявивсь коло Лубенъ славний по всій Україні лицаръ, котрого за лютість та силу прозвали Вовгуремъ—тобъ то вовкъ. Такий бувъ дуженний, що коли розказовать теперечки, якъ вже вовки... звелись на ягнять, то повернуть, гляді, ще въ казку: а тимъ часомъ, якъ віри не пояти? Той Вовгуръ здержувавъ у млині шістерню, перекидавъ черезъ Сулу двохъ-пудову гіру и десять разъ обносивъ коло своєї хати два камені млиновихъ, у десять пудъ камень.

Охотника приймавъ до гурту не инако, якъ съ проби. Хто навкрутъ хати тричі обнесє камня, той ёму товаришъ, а хто шість, той братъ. У томъ-то товаристві, въ тихъ Вовгурівцяхъ бувъ, и мій пращуръ, Самсонъ Коротай,—правий Самсонъ. Великий, широкоплечий и страшенно дужий, дарма що молодий козакъ ще тоді бувъ. Вінъ обнісъ кругъ хати камня шість разъ, зарвався бувъ и сёмий разъ нести, да Вовгуръ вже не давъ, зъ опаски, щобъ хлопець не ввередився.

Набравши такихъ собі сотнігу лицарівъ, Вовгуръ погнався зъ своїмъ загonomъ на Волинь. Ёму страхъ якъ манулось захопитъ у свої руки князька Ярему, що здорово держався противъ козацтва, да зъ тимъ не такъ-то було швидко справитись. Ярема бувъ самъ лицаръ, и військо мавъ добірне. Скрізь, де вінъ перейшовъ, зъ жовнірами своїми, усе огнемъ та мечемъ поплюндрувавъ, не жаловавши ні старої голови, ні малятка.

Разъ, після січи зъ княземъ, загонъ Вовгуревий становивсь на ночліги підъ пущою, а мого пращура послато на чати, доглядати чи не було де Ляхівъ у захисті. Уже надвечіръ, зліжджає вінъ до криниці, и бачить—набира воду висока ставна дівчина, и така вже

гарна—прегарна,—хочь воду зъ лиця пий; тільки чогось бліда, якъ той мрець, и очи заплáгані.

— »Що ти тутъ робишъ, небóго?« спитавъ мій пращуръ.

— »Воду,« каже »беру́ для матусі«.

— »Дежъ тво́й мату́ся?«

— »Тутечки, у лісі; слабу́е, помира́е. Жовніри спалили на́ше село, убили мого панотця́, брата, матусі́ ратищемъ бі́къ проколóли и намъ би була́ смерть немину́ча, да ми поховáлися въ пу́щі и ось четвѣртий день рíски въ рóті не бу́ло.

Пращуръ мій, хочъ и Вовгурі́нець, а бувъ чолові́къ чу́лий и богобо́йщий: достáвъ изъ тóрби шматокъ хлѣ́ба, пода́въ дівчині́ и ка́же: »веди́ мене́ до сво́єї мату́сі: мо́же я чимъ-небу́дь їй у пригóді ста́ну.«

Такъ, зъ півъ-верстви́ перейшо́вши, застанови́лися бі́ля дуба. Підъ тимъ дубомъ ле́жала, — дохо́дила бабу́ся — Бо́же мій — покрі́вaвлена, зъ попéченими но́гами... лі́хо таке́, Бо́женьку! Вгледі́вши пращу́ра, нинáче оджи́вила, очи їй зася́ли раді́сно.

— »Козáче!« мови́ть глу́химъ го́лосомъ, а ще ви́разно: »не по сво́й во́лі ти сю́ди наго́дився: самъ Богъ тебѣ́ зані́сь до насъ по́рятовáти сироті́ну оцѣ́ безпоро́дню: (скину́ла окомъ на дочку). Ми коза́че, не прѣ́стого ро́ду, и бу́ли зда́вна богáті, да ті́ ксѣндзі́ ви́дерли въ насъ до́бро на́ше все; одно́го найдорѣ́жшого скáрбу не забра́ли—ви́ри на́шої святѣ́ благочесті́вої. Гі́ркóї ви́пила я за свѣ́й ві́къ: ще ті́жня не ви́йшло, якъ усю́ до дна спи́ла. Передъ мо́їми ві́чми вбі́то мого́ чолові́ка, замуче́но си́на мого́... (Страда́льна ду́ша до землі́ припа́ла, на землі́ заридáла). Дожи́дала я сме́рти, и за одно́ Бо́га проха́ла,—ві́нь Милосе́рдний почувъ мо́ю моли́товъ: ти не поки́нешь сироті́ни, ми́цна прави́ця Бо́жа підси́лить тебѣ́, оддáє.

— »Пани́мáтко!« сказа́въ мій пращуръ: »я бу́ду тво́й дочці́ за рідного б́рата.

— »Будь їй дру́жиною: тоді́ бу́дешъ за ба́тка, ма́тирѣ́ и за б́рата.«

— »Нехай же во́ля Бо́жа бу́де надъ на́ми!« сказа́въ пращуръ, и вкло́нились зъ Мару́сею (такъ звала́сь дівчина) до ні́гъ мату́сі.

Ла́пала напе́реного хрестá на грúдяхъ, щóбъ нимъ благо́словити, а є́го вже нема́е: де́сь на вті́кахъ загубі́ла.

— »Чимъ-же«, ста́ла тужити »благо́словлю́ я васъ, ді́тки? щó на-неза́будь зоста́влю!« А де́лі схопі́ла жолудькá, та й проре́клá: »Не-

хай же надъ ва́ми, діточки мої, благословіння Б́же спочива́є.... Возміть отцёго жолудька, посадіть у зéмлю, віросте зъ его дубъ високій, и дóти, до́кіль вінъ стоя́тиме на землі, до́ки коріння ёго не стру́хне підъ землею, и ви и рідъ вашъ увесь бу́дете щасли́ві, че́сні, довго́вічні».

Стара зговори́ла се сло́во та́кимъ тве́рдимъ д́ухомъ, на́че са́мъ Бо́гъ промовля́въ її уста́ми. И схили́вшись на ру́ки до Ма́русі, відда́ла Бо́гу д́ухъ. Ма́руся зли́ла сві́ми слі́зьми ті́ло ма́тусине, а пра́щуръ ви́копавъ я́му їй ша́блею. Помо́ли́лися надъ за́мученою, похова́ли, посе́яли на моги́льці жо́лудьківъ. А в́ тій пу́щі крився невели́чкий хуторё́ць, мо́єму пра́щурові́ свідо́мий. Вінъ за́вівъ ту́ди Ма́русю, приру́чивъ її я́кийсь ба́бі, и по́їхавъ.

Що́сь днівъ пі́сля того не в́-скі́лько́хъ, пра́щуръ мій поверта́вся зъ по́помъ у́же, спра́вить надъ ма́тірью по́хоронъ хри́стіянсь́кий. Ма́руся кину́лась на зу́стрічку до ёго зъ щі́рою вели́кою ра́дістю. Я́къ погля́нула на ёго свої́ми ясні́ми очі́ма, та прости́гну́ла білі́ руче́нята, то в́ мого пра́щура на́че ду́ша заго́рілась и впе́рве то́ді засту́кало ёго се́рце ві́рнимъ коха́ннямъ.

Пі́шли на ма́тусину моги́лу, запечата́ли не́біжчи́цю. Ма́руся зня́ла зъ се́бе дука́чикъ зъ Бо́жою Ма́тірью и поче́пила на мо́го пра́щура. «Се,» ка́же, то́бі за́ступни́ця; нехай Пречи́ста оборо́нить те́бе відъ у́сякої на́пасти!

Про́щавшись зъ Ма́русею на до́вгі ча́си, пре́дко мій подарува́въ їй тугі́й че́ресъ зъ черві́нцями, надрáтими одъ Ля́хівъ. Война́ ще то́чїлася зъ чо́тири ро́ки и на вс́ей то́й часъ Госпо́дь ві́димо бо́ронївъ мого пра́щура. Одно́го ра́зу Вовгу́ръ посла́въ на ро́звідъ чо́лові́ка де́сять изъ сво́го заго́ну; мій пра́щуръ бу́в в́ тихъ де́сятёхъ. О́длазавши версто́въ зъ два́дцятко́в и не наскóчивши ні́гдє ляшкíвъ, во́ні нега́дки — стано́вилися на но́члігахъ в́ лі́сі, та ще, зна́єте, по до́брій ча́рці проти́ сну́ ви́готили, та й по́снұли бе́ць-ко́мъ. О́півно́чи я́къ на́че хто обуді́въ потихе́ньку мо́го пра́щура. Вінъ—зиркń! ба́чить, що́ пе́редъ нимъ висо́ка жі́нка, у́ся в́ бі́лому, я́къ ма́ра сто́яла. Зъ о́страху вінъ на́міривъся крича́ти, та́къ вона́ по́ману́ла ё́му руко́ю, що́бъ за не́ю йшо́въ; мýсивъ по́слұхати́сь, пі́шовъ. За́вела ёго зъ півъ-ве́ретві́, а поза́ду їхъ, сту́гомъ за́стугоні́ла кі́нська тупа́, вда́рила пальба́, га́лась підня́вся. Тутъ жі́нка зні́кла, не ска́жи—у зéмлю ввійшла́. Сторопі́лий, здере́ванївъ пре́дко мій и не зна́въ, що́ ё́му й почи́на́ть. А́жъ чу́є, що́сь у ку́-

щяхъ затупало, затріщало, передъ нимъ ставъ якъ укбаний Гнід-
кб, егб кінъ и вірний товаришъ. Тоді вже прѣдко догадавъсь, хто
се егб порятовавъ. Недовго думавши, скбчивъ на Гнідкб та гук-
нувши на рбзні голосі, помість то вінъ не самъ, порвавсь виру-
чати своїхъ. Жовніри подумали, що то підмога козакамъ, та й кі-
нулись у-рбстичъ. Такимъ побитомъ прашуръ мій вирвавъ одъ не-
минучої погібелі пятѣхъ товаришівъ своїхъ, а четвірко наложіли
такі головами.

Чотирохлітня розлукб не прохолоділа въ моєму прашурові ко-
хання, и якъ все утихомирилось, вінъ, часу не гаввши, поїхавъ
до своєї Марусі. Доїздить до того хutorця, де вінъ її покинувъ,
ажъ и сліду єгб не бачить: все вигоріло до пня и розпитатыця ні
въ кого. Зажурився мій прашуръ и поїхавъ на могілу до матуси.
Тільки вона єму й зосталася. На могілі стоявъ висбкій хрестъ и
жолудкб ряснімъ куцѣмъ розросліся, а навкрүгъ знати слідъ за-
сбхлихъ грядбкъ, де-не-где на їхъ ще квіточкб поростали. Відно
було, що те містце зоставлено и вже зъ дві літі стоить безъ до-
гляду. Помолівшись, ударивсь питати Марусі. Куді приїде, скрізь
погоріджа: не було селб, хочъ хutorа, цілого відъ огню. Попоїз-
дивши кілько днівъ, надібавъ вінъ ягбгось сбтника и одъ того на-
знавъ, що всі жительці тогоббчні виселились за Днїпрб. Тамъ
було тоді простбро и безпечнїше. Мій прашуръ цілий рікъ виїз-
дивъ по новосїлкахъ, уступавъ до кожнїсенької хати, скрізь роспи-
тувавсь.

— Одногб разу заїздить вінъ до хutorа новосїлянцівъ; бачить на
одшибі стоить такб слбвна хатка, а кругъ неї одбране підъ левбду
простбре місце. Вийшовъ у сїни,—нікого нема; вінъ черезъ другі
двері вийшовъ на горбдъ,—тамъ дівчина якбсь поле грядкб.

— »А чий се хата?» спитавсь вінъ.

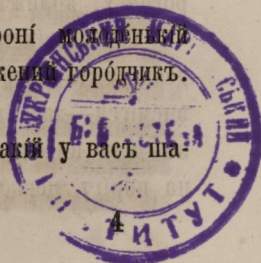
— »Хазяйчина,« одмовила дівчина.

— »Дежъ твої хазяйка?»

— »Пішла до Кїева на прощу.«

Отъ вінъ ужѣ йти дума, ажъ углѣдивъ на стороні ^{можливий}
дуббкъ, загорбжений лозбю; а навкрүгъ єгб росплбджений горбдникъ.
Могб прашура наче що торкнуло.

— »А чого се«, каже вінъ, »дуббкъ сей въ такій у вастъ ша-
пббі?»

— »Не скажу«, вона ёму: »щобо хазійка ёго зве Матусине Благословення.«

Тоді вінъ догадавсь и почавъ розпитувать, якá зъ лиця хазійка,—дівчина чи молодіця?

— »Дівчина« розказує наймичка: »и гáрна така що на всю околію другої нема такої; багáцько, славлють, до неї людей слалося, и не прбсті, а осаули да сóтники, та вона и дивїтись на їх не хотїла: все когось чекає.«

Почувъ се прáщуръ мій, та й зомлівъ одъ радости.

— »Ну«, промóвивъ, »приймай же мене за хазіина: я той самий, що вона жде.«

Вступивъ до хáти: чистенько, біленько, ажъ духъ радіє. Дівитця: въ кімнáтці помóщена постіль на двохъ, на жéрдці висіть козацька одéжа, сорочки тóнкого полотна зъ вишіваними комірами; на прїпечку чéботи червоні, на кілку ша́пка, а на вігні лю́лька, не сказавъ би—тутъ живъ коза́къ, а не дівчи́на. Прéдко мій пону́ривъ гóлову: для ко́гожъ це вона зладна́ла зóдіжъ? се, певно, сýджений у неї!.. Та́къ-то ти вволи́ла о́станню во́лю мату́сину! та́къ оце пам'яту́ешъ обі́тню кля́тбу на непрості́глому ще ті́лі ма́тернєму! Да́къ не бува́тижъ сєму́! не мо́й, та́къ и ні́чия! Ві́рву зъ ко́ренимъ Мату́сине Благословення, що ёго ти неварта; розкі́ну хáту и задавлю́ тебе підъ не́ю якъ лю́ту га́дину!..

Зі́рвався зъ сє́рцемъ до то́го дубка́ и руку вже простя́гъ, щобъ ёго ви́корчить, та миттю за́пинився. П'ять ро́ківъ, погада́въ, ми бу́ли въ розлу́ці, мо́же вона ли́чила мене́ за по́гибшого, а якъ побáчить, що живий, то жени́ха сво́го одцу́раєтця. А про те, ко́ли вона ёго лу́чче любить, то Бо́гъ зъ не́ю; я ста́ну їй за бра́та.« Поті́мъ того встро́мивъ сво́є рати́ще бі́ля дуба, да й ка́же на наймичку:

— »Я́къ твоя госпо́дїня ве́рнетця та побáчить се ра́тище, то сама́ пізна́є, хто ё́го поста́вивъ. Скажи́ тільки їй: ко́ли вона мене́ ще не забу́ла и любить, то неха́й приви́яже до ра́тища черво́ну коро́вку; ко́лижъ ні, то неха́й чепля́ бі́лу.«

Самъ по́хавъ на пýщу и звідти визи́равъ на лева́ду. Сидить де́нь, сидить дру́гий де́нь, ни їсть ни п'є, ни спить; на тре́тій знеми́ся—засну́въ. И присни́тця є́му мату́ся, бу́дїмъ попровáдила ё́го зъ-підъ висо́кого дуба по зеле́ній оболóні до цє́ркви. Ле́дві ступи́въ на порі́гъ цє́рковний, назу́стріч є́му Мару́ся, у́брана, якъ до він-

ці, обійняла его, поцілювала. Прокінувся вінъ, дивитця—червона короговка грає зъ вітромъ: серце въ его заколотилось, тріхи не вискочить; сівъ на коня, та й дмухнувъ до Марусі. Стріла его на порозі зъ хлібомъ, зъ сіллю, склонилася до землі, заговорила: «Орле мій, съ—підъ темної хмари відъ Бога мені насланий, матусею призначений, серцемъ моімъ нарекований! за що се ти поневіряешъ наші любові?... Все що бачивъ у світлиці, все то для тебе, мого голуба сізого, наготовано; про тебе тільки я й думала, и Бога благала, щобъ повернули тебе до мене. Уступийж до свої хати, господару мій любий! стань мені спротиві татомъ, мамою и братікомъ ріднесенькимъ.»

Тутъ мій пращуръ ще не мавъ и часу гараздъ огледітьця зъ тихъ радіщивъ великихъ, а тутъ Богъ несє старенького діда, прібситця обночувати. Роздивились—той самий панотецъ, що ховавъ матусю.

Назавтре жъ їхъ перевінчавъ и вже не пійшовъ далі.

Поблагословивъ їхъ Господь синомъ одиначкомъ, щастливимъ та довгимъ вікомъ. Пращуръ мій вмеръ на сто и першімъ року, а пращуріха на дев'яностъ—трейтімъ. Обідва переставились на одному тіжневі, якъ за руки побрались.

Після того всі мої предковья переживали за дев'яностъ годъ, тільки батько мій вісімдесятъ-п'ять живъ, и то того, що молодого віку багачко принявъ гора.

Черезъ стільки годівъ, молитвами нашої матусі, Богъ насъ не зоставляє; ми щасливі, довговічні и не було въ нашімъ роді ні одного нещасливого чоловіка. Що вже въ ту халеру! якъ вона скрізь по світу душила безъ мілости людей! до насъ и не доторкнулась.

Шануємо велико нашого дуба и кожне зъ нашої сім'ї, виражаючись въ даліку дорогу, Богу помолівшись, приходить поклонитця Матусиному Благословенню и для одводу відъ себе напасти, берє зъ собою жолудька.» —

Дякувавъ я старому за его оповідання, а тутъ и сонечко, якъто кажуть, примерхло—лучченько стало їхати холодкомъ. Попрощались ми. Поїхавъ я и все думавъ, яка-то наша гарна старовина була! що-то за люде, що то за души були въ насъ підъ ту велику руїну! Та дежъ воно ділося? на що попереводилось, що теперъ мало такихъ людей задержалось на світі, прібстихъ и щірихъ и богобоязливихъ, якъ отцей Тарасъ Семєновичъ. Тільки й жити намъ споминками. Ну,

та дарма. Хочь оди́нь дубъ зоставсь, та багато на ёму жолуді́въ... Матуся наша, Вкраїна, не покинула насъ безъ свого благословення. Проі́хавъ я скі́льки верстíвъ; думки влєжались; сòнце сі́ло; и въ голові́ въ мє́не тíхий пòмрокъ залі́гъ, — тільки щось несказáнне на душі́ лüбо мені́ сйáло. Не хотячи, оглянувся назадъ: село ховáлось за могилами, окриваючись пíломъ вечірні́мъ, а ще зоривъ вели́чно вскрай нє́ба дубъ той старє́нний — »Матусине Благословення«.

А. М.

УКРАИНСКІЯ НЕЗАБУДКИ.

ОЧЕРКИ ИЗЪ НЕВОЗВРАТНАГО ВРЕМЕНИ.

(Писано довольно давно, и собственно для памяти любознательному потомству.)

I.

Краткая характеристика дворянъ Квачей.

Дворяне Квачи давно ужь процвѣтають въ уѣздѣ, который центромъ своимъ имѣетъ городъ Стóвбуръ, и потому называется Стóвбурскимъ. Въ настоящее время дворянскій родъ Квачей значительно размножился, и мудрено даже представить, чтобы когда-нибудь перестали ихъ считать десятками въ Стóвбурскомъ уѣздѣ. Три брата, окруженные многочисленными семействами, составляютъ надежную опору этой, можно сказать, знаменитой фамиліи. Старшій изъ нихъ, Гаврило Петровичъ Квачъ, со славою занимаетъ должность исправника и отличается добродушнымъ, веселымъ характеромъ. Его фізіономія съ-молоду принадлежала къ числу красивѣйшихъ лицъ въ уѣздѣ. Портилъ ее только черезчуръ низкій лобъ; но зато на этой фізіономіи находился носъ, дотога прямой и «умѣренный», что отъ него не отказались бы многія изъ нашихъ самыхъ щеголеватыхъ помѣщицъ, у которыхъ, Богъ знаетъ почему, носы большею частью торчатъ кверху, а нето—расплываются вовсе не по-дворянски посреди лица. Теперь эта фізіономія сдѣлалась массивнѣе и подалась своимъ болѣе выразительными частями внизъ, такъ что верхняя половина головы Гаврила Петровича представляется какою-то пустою крышкою, не

болѣе. Въ самомъ дѣлѣ, Господь не одарилъ Гаврила Петровича Квача особеннымъ умомъ; но, не смотря на то, его у насъ въ уѣздѣ за что-то уважаютъ. Онъ восемь лѣтъ служилъ въ земскомъ судѣ засѣдателемъ, а вотъ уже другое шестилѣтіе сряду выбираютъ его исправникомъ.

Гаврило Петровичъ не живетъ въ городѣ, какъ и всѣ почти наши уѣздныя власти. Онъ водворился посреди многочисленнаго села Бѣртища, населеннаго козаками, а отчасти и помѣщичьими крестьянами. Тутъ живутъ и оба его брата. Три усадьбы господъ Квачей занимаютъ одинъ конецъ села, прилегающій къ рѣчкѣ, нѣкогда судоходной, еще недавно двигавшей мельничныя колеса, а нынѣ почти изсякшей. Каждая усадьба отдѣляется одна отъ другой крестьянскими хатами и панскими яблонями, вишнями, огородами.

Гаврило Петровичъ, какъ уже сказано, — старшій изъ троихъ братьевъ. За нимъ слѣдуетъ Антонъ, по прозванію Мотузокъ, человѣкъ очень основательный; служилъ прежде, также какъ и старшій братъ, въ военной службѣ; теперь идетъ по его же слѣдамъ и засѣдательствуетъ въ уѣздномъ судѣ, но имѣетъ ту особенность, что по праздникамъ, или когда нужно быть въ большомъ собраніи, надѣваетъ армейскій мундиръ и шпагу. Портупея отъ шпаги куда-то затерялась у него, много лѣтъ тому назадъ, и онъ, по необходимости, подвязываетъ шпагу къ мундиру веревочкою, по-нашему *мотузочкою*, отчего и дано ему такое странное прозвище. Впрочемъ Антонъ Петровичъ менѣе добродушенъ, чѣмъ его старшій братъ, часто задумывается послѣ обѣда и не такъ любимъ въ уѣздѣ, какъ Гаврило Петровичъ, который каждому запросто говоритъ *братъ* и почти со всѣми на ты.

Третій изъ братьевъ Квачей еще менѣе любимъ господами дворянами и, сверхъ имени Петра, даннаго ему при крещеніи, и фамильнаго имени Квачъ, носитъ странное прозваніе... Я затрудняюсь даже произнести его; но исторія не щадитъ никого. Это имя — Злодій, что по-великорусски значить — воръ. Петръ Петровичъ Квачъ, прозванный Злодіемъ, шелъ сперва также по слѣдамъ старшаго брата и уже былъ въ какомъ-то полку подпоручикомъ, но вдругъ вышелъ въ отставку съ аттестатомъ, въ которомъ сказано, чтобъ его впредь ни къ какимъ дѣламъ не опредѣлять. Впрочемъ его врожденныя способности не остаются праздными. Когда бра-

тѣя дѣлились общимъ наслѣдствомъ, онъ не взялъ на свою часть ни одной десятины лѣсу и, вмѣсто того, удвоилъ свой пай пахатною землею. Сосѣди надъ нимъ подтрунивали, и никому не приходило въ голову, что въ душѣ Петра Петровича Квача созрѣлъ глубоко обдуманнѣйшій планъ жизни. Вступивъ во владѣніе законною частью наслѣдства, онъ образовалъ изъ своихъ крестьянъ отрядъ волонтеровъ-дровосѣковъ и напустилъ его на всѣ сосѣдскіе лѣса безъ разбору. Сперва этихъ удалыхъ охочеконниковъ ловили и представляли къ исправнику, но когда убѣдились, что воронъ ворону очей не выклюетъ, то ограничились только тѣмъ, что прозвали Петра Петровича Квача на весь уѣздъ Злѣдіемъ.

Нельзя, впрочемъ, сказать, чтобы исправникъ нашъ потакалъ воровству въ своемъ уѣздѣ: онъ дѣлаетъ исключеніе только для родного брата, да и то подъ самымъ благовиднымъ предлогомъ: вину вторженія въ чужую собственность взваливаетъ онъ обыкновенно на крестьянъ и, въ случаѣ «поимки», наказываетъ ихъ тутъ же, при земскомъ судѣ, примѣрно. Но крестьяне Петра Петровича, должнѣе быть, происходятъ отъ древнихъ Спартанцевъ: возвращаются изъ суда съ веселыми лицами и совершаютъ новыя подвиги. Не только сосѣдскіе лѣса, но и поля, во время жнивъ, отъ нихъ не безопасны. То, что говорится въ древней нашей поэмѣ о хищныхъ Половцахъ, можно сказать о нихъ безъ всякой натяжки: *кричать телеги въ полнощи, рцы лебеди растуцени*. Одѣтые непроглядной темнотой ночи, являются они на чужія нивы и увозятъ на скрипящихъ возахъ своихъ не ими сѣянный, не ими сжатый хлѣбъ. Сосѣдніе козаки и мелкопомѣстные дворяне терпятъ это хищничество безропотно, такъ какъ извѣстно, что Петро Петровичъ Квачъ, по прозванію Злѣдій, поставляетъ изъ чужихъ лѣсовъ дрова во всѣ присутственныя мѣста уѣзднаго нашего города всенародно, и никто не останавливаетъ его подводъ. Впрочемъ, Петро Петровичъ, въ своихъ смѣлыхъ набѣгахъ, обходитъ людей богатыхъ и довольствуется только похищеніемъ у нихъ лошадей для передачи ярмарочнымъ коноводамъ.

Читатель, незнакомый съ Стѣбурскимъ уѣздомъ, вообразить, пожалуй, что такая личность, какъ Петро Петровичъ Квачъ, по прозванію Злѣдій, отвергнута всѣмъ благороднымъ сословіемъ и не имѣетъ доступа ни въ одинъ помѣщичій домъ. Нѣтъ, мы слава Богу, не потеряли еще стариннаго малороссійскаго добродушія, котораго луч-

шимъ представителемъ можно считать нашего исправника. Петро Петровичъ принять у насъ во всѣхъ лучшихъ домахъ не хуже каждаго потомственного дворянина, и когда вы увидите его въ обществѣ, то никакъ не подумаете, чтобъ это былъ тотъ чловѣкъ, о которомъ ходятъ по всему уѣзду столь неблаговидные слухи. Недавно онъ лишился жены, и черезъ полгода женился на дочери своего сосѣда, молоденькой дѣвицѣ съ хорошимъ приданымъ. Съ того времени утвердилось въ уѣздѣ мнѣніе, что будто бы Петро Петровичъ превзошелъ богатствомъ даже старшаго своего брата; но это совершенная неправда. Послѣ раздѣла имѣнія всѣхъ тремъ братьямъ достались, конечно, участки небольшіе; но природа наградила каждаго изъ нихъ равно могущественными средствами къ увеличенію своего благосостоянія. Старшій братъ, отличающійся собственно гражданскими способностями, вскорѣ удвоилъ, а потомъ и удесятирилъ наслѣдственное имущество. Меньшой, въ душѣ завоеватель, которому не выпадалъ только случай прославиться «на полѣ брани», не отставалъ отъ старшаго брата, по мѣрѣ возможности. Средній, Антонъ, по прозванію Мотузокка, будучи нрава робкаго и миролюбиваго, повидимому долженъ былъ бы остаться у нихъ позади на пути къ обогащенію, но судьба и этого не обошла своими дарами. Ему на долю выпала завидная участь—часто жениться и за каждой женой брать хорошее приданое. Теперь онъ женатъ на третьей, которою также доволенъ, какъ и двумя первыми. «У меня», говоритъ онъ, «было три жены, и всѣ три — ангелы».

Такимъ образомъ три брата Квача не имѣютъ никакого повода къ зависти и недоброжелательству, но пребываютъ въ совершенномъ согласіи и даже, встрѣчаясь въ обществѣ, называютъ другъ друга нѣжными дѣтскими именами. Гаврило у нихъ до сихъ поръ *Рѣля*, Антонъ у нихъ — *Тоня*, а Петро — *Петя*. И трогательно, и назидательно видѣть подобныя отношенія между тремя братьями, въ наше время, столь близкое къ оному страшному сроку, когда возстанетъ братъ на брата и сынъ на отца. Обратите при этомъ вниманіе на различіе характеровъ и склонностей каждаго, и подивитесь еще болѣе неразрывной дружбѣ этого родственнаго тріумвирата.

Гаврило — чловѣкъ общедоступный, характера открытаго, нрава дружелюбнаго, склоненъ къ жизни роскошной. Антонъ бо-

лѣе замкнуть въ самомъ себѣ, молчаливъ и склоненъ къ уединенію. Въ домашнемъ быту отличается простотою пищи и питія; если же предается роскоши, то это единственно въ гостяхъ, во время праздниковъ, именинъ и свадьбы у сосѣдей. Будучи отъ природы робокъ, при всей любви своей къ военной одеждѣ, — онъ извлекаетъ изъ службы очень мало-выгодъ, но зато вознаграждаетъ себя бережливостію и ограниченіемъ издержекъ до такой степени, что, когда случилось ему однажды отправить къ кому-то по почтѣ письмо, — онъ торговался съ почтмейстеромъ до тѣхъ поръ, пока тотъ не отправилъ письма вовсе безъ платы. Наконецъ, третій братъ, очевидно, исполненъ духа своихъ предковъ, обогащавшихся, какъ извѣстно, вѣчными набѣгами на сосѣднія земли.... Впрочемъ козаки села Бѣртища объясняютъ его страсть къ чужому добру родословною дворянъ Квачей, сохранившеюся у нихъ въ свѣжей памяти.

Между бѣртищскими старожилами, помнящими еще времена свободныхъ подсосѣдковъ, населявшихъ панскія земли, сохранилось преданіе, что въ послѣдніе годы сотническаго управленія, какой-то пономарь, существовавшій въ Бѣртищѣ, яко лицо духовное, безъ всякаго фамильнаго прозвища, — укралъ на ярмаркѣ у козака-дегтяря мазницу дегтю; что козаки поймали его *на гарячому вийнку*, окунули головою въ дегтяную кадъ и тутъ же прозвали Квачемъ. Не знаю, слѣдуетъ ли обращать вниманіе на подобныя сказанія простолюдиновъ въ столь серьезномъ сочиненіи, какъ сія повѣсть; но преданіе гласитъ положительно, что опозоренный пономарь, исключенный изъ духовнаго званія, затаилъ въ сердцѣ глубокую злобу противъ козацкаго сословія и рѣшился, во что бы ни стало, выдти въ люди, чтобъ отомстить потомъ своимъ насмѣшникамъ. Въ самомъ дѣлѣ — продолжаетъ преданіе — острпженный и вымытый олією и мыломъ, Квачъ въ короткое время добился званія сотеннаго писаря и насѣлъ на козаковъ такъ ловко, что, при закрѣпощеніи вольныхъ подсосѣдковъ въ царствованіе блаженныя памяти императрицы Екатерины Вторыя, нѣсколько козацкихъ убогихъ семействъ приписалъ къ отнятой имъ у нихъ же землѣ, и съ того будтобы времени Квачи вошли въ составъ образовавшагося тогда малороссійскаго дворянства. Впрочемъ подобныхъ басень о началѣ дворянскихъ родовъ въ нашемъ уѣздѣ ходитъ много между простолюдинами, но никто изъ благородныхъ

людей не обращаетъ на нихъ вниманія, тѣмъ болѣе, что у многихъ существуютъ древнія жалованныя грамоты, писанныя въ весьма недавнее время.

По этому краткому, но, надѣюсь, выразительному очерку дворянъ Квачей, читатель никакъ не ожидаетъ, чтобъ у нашего исправника была дочь, вовсе на него не похожая. Но природа человѣческая распоряжается иногда удивительнымъ образомъ. Она посреди Стóвбурскаго уѣзда, гдѣ всё живутъ почти одни Квачи-помѣщики, готова создать какое угодно чудо, — и создала его въ исправницкой дочкѣ. Нина (такъ ее звали) родилась необыкновенно счастливо. Такого красиваго ребенка, такого тихаго, умнаго дитяти не видали еще въ Стóвбурскомъ уѣздѣ. Она отличалась отъ всѣхъ другихъ дѣтей Гаврила Петровича; она какъ-будто случайно попала въ его семейство, да и судьба ея была особенная. Нинѣ было десять лѣтъ, когда, въ ненастный осенній день, на дворъ къ ея отцу привезли поврежденную карету. Это случайное обстоятельство рѣшило судьбу Нины. Изъ кареты вышла немолодая уже дама, вся въ черномъ. Исправникъ, съ глубочайшимъ почтеніемъ, взвелъ ее подъ руку на крыльцо и предложилъ свой домъ и всего себя къ услугамъ *ея превосходительства*. Дама была очень печальна и почти больна: она въ дорогѣ лишилась единственной дочери, и страдала великою скорбію матери. Она едва имѣла силы благодарить исправника за его услуги; она видимо тяготилась сострадательными разспросами исправницы; но когда увидѣла Нину, лицо ея просіяло: Нина напомнила ей черты милой дочери. Она приласкала прелестную дѣвочку и живо была заинтересована ея умомъ и тонкими чувствами, выразившимися во всѣхъ ея словахъ и поступкахъ. Грустнымъ и проникательнымъ взглядомъ слѣдила она за остальными членами исправничьяго семейства. Ей было жаль прелестной дѣвочки, которая должна вырасти въ этой средѣ, питаясь ея нравственною атмосферою. На другой день она сдѣлала родителямъ предложеніе, отъ котораго тѣ пришли въ восторгъ неописанный. Она объявила имъ, что она — директриса института благородныхъ дѣвицъ въ Аскольдѣ и что ей было бы пріятно заняться воспитаніемъ Нины, въ память своей дочери. Она прибавила, что въ отношеніи къ прочимъ своимъ воспитанницамъ она стѣснена существующими правилами, но что Нину воспитаетъ она, хотя въ институтѣ, но семейнымъ

образомъ. Исправникъ и исправница, разумѣется, не поняли ея программы. Съ благословеньями на устахъ и гордыми надеждами въ душѣ, проводили они благодѣтельную *генеральшу* съ Ниною. Зависть всего уѣзда возбуждала въ нихъ сладостное чувство удовлетвореннаго себялюбія и проливала счастье въ самую глубь ихъ родительскихъ сердецъ.

Между Ниной и другими дѣтьми былъ у нихъ большой промежутокъ. Такимъ образомъ заботы о воспитаніи чадъ своихъ, начинающіяся въ нашемъ уѣздѣ довольно поздно, отодвинуты были отъ нихъ надолго. Вся дѣятельность ихъ устремилась отнынѣ на устоиство дома, въ который съ каждымъ годомъ приливало откуда-то богатство, — и исправниціи домъ мало-помалу совершенно измѣнилъ свою довольно смиренную фizioномію. Едва ли въ немъ хоть что-нибудь осталось старое: все было воздвигнуто вновь, по образцамъ богатыхъ сосѣдскихъ усадебъ. Исправника въ уѣздѣ начали называть человѣкомъ *тузовитымъ*; недоставало ему еще одной степени, чтобъ сдѣлаться тузомъ.

Прошло уже восемь лѣтъ съ достопамятнаго поврежденія дорожной кареты. Генеральша сдержала слово. Нина воспитывалась у ней, какъ родная дочь. Нину видали постоянно вмѣстѣ съ генеральшей въ семейныхъ кружкахъ города Аскольдова. О Нинѣ доходили въ Стѣбурскій уѣздъ восторженные отзывы. Нину называли умницей не по лѣтамъ, синимъ чулкомъ и красавицей, какихъ на свѣтѣ мало. Нина возбуждала, какъ водится, и благовидное злословіе. Искусные въ общежитіи люди (ихъ въ Стѣбурскомъ уѣздѣ много) поговаривали иногда, что, по ихъ наблюденіямъ, она ужъ черезъ-чуръ смѣла въ обществѣ и что въ ней нѣтъ этой милой застѣнчивости, которая такъ плѣняетъ насъ въ молодыхъ институткахъ.

— Генеральша, прибавляли они добродушно, — не всегда будетъ охранять ее своимъ присутствіемъ отъ злорѣчія. Такая привычка держать себя въ обществѣ, замѣчали они глубокомысленно, — годится, можетъ быть, для столичнаго круга, но у насъ въ уѣздѣ она можетъ повредить репутаціи молодой дѣвушки. Чтѣ ни говори, но главное достоинство молодой дѣвицы все-таки — скромность.

До слуха исправника и исправницы доходили всѣ эти толки; но они твердо вѣровали въ умѣнье генеральши повести дѣло вос-

питанія и втайнѣ радовались, что дочь ихъ отличается свободной свѣтскостью обращенія.

— Сохрани Богъ, говорила исправница, — явиться въ наше общество съ тихимъ, боязливымъ характеромъ! Не дадутъ житья наши Чечотки. (Чечотками называла она двухъ старыхъ дѣвъ, господствовавшихъ надъ всѣми дамскими языками въ уѣздѣ.) Отчего я не пользуюсь всѣми преимуществами моего положенія? Оттого, что съ дѣтства не давали мнѣ высказываться, конфузили на каждомъ словѣ, приучали къ молчаливости. Меня и теперь каждая изъ нашихъ умницъ можетъ смутить посреди самаго живого разговора. Хорошо ли это? Нѣтъ, слава Богу, что наша Ниночка выйдетъ изъ института незастѣнчивою. Она покажетъ этимъ Чечоткамъ, что значитъ настоящая образованность.

А время выпуска изъ института между тѣмъ приближалось, и наконецъ приблизилось.

II.

Приготовленія исправницы къ радостной встрѣчѣ дочки.

Среди знойнаго лѣта выпалъ какъ-то удивительный вечеръ, тихій, прохладный и вмѣстѣ сіяющій; и нигдѣ, кажется, не было такой тишины, какъ въ селѣ Буртищѣ. Все живое выбралось изъ села въ поле, по случаю жнивъ; осталась развѣ гдѣ-нибудь полуслѣпая старушка, или шамкающій и едва таскающій ноги старикъ. Они молча сторожили опустѣлыя хаты отъ путешествующихъ изъ дальнихъ сѣверныхъ странъ богомолокъ, которыя вытаскиваютъ въ *кватірки* ⁽¹⁾ разшитые украинскіе рушники, обыкновенно висящіе въ хатѣ на кілочкахъ, и другія неубранныя подальше вещи, а нето — ловятъ по дворамъ куръ, а по огородамъ выбираютъ огурчики-ста. Эти благочестивыя странницы, называемыя у насъ *киянками*, вообще не терпимы въ нашихъ селахъ за вѣчное канюченье, до котораго никогда не унывается богомолецъ украинскій; но особенно ненавидятъ ихъ за ихъ манеру

(1) *Кватірка* — отодвигающаяся форточка въ окнѣ.

отодвигать снаружи кватірку въ окнахъ и высматривать, не лежить ли что плохо въ хатѣ. Но теперь не видно было и Кіянокъ. Глубокое, невозмущаемое ничѣмъ спокойствіе царствовало надъ селомъ Бѣртищемъ. Даже собаки ушли на ниву за жнецами. Только покашливали кое-гдѣ, грѣясь на солнышкѣ, запоздалые жители другого свѣта да кудахтали куры по дворамъ и огородамъ. Тихо было и у Антона Петровича Квача, по прозванію Мотузочки, и у Петра Петровича Квача, по прозванію Злодія. Всѣхъ людей услали они въ поле на жнива, и сами съ женами и дѣтьми выѣхали на ниву для присмотра за работою. Это у насъ дорогое время. Въ эту пору лѣта не только мужчины, но и мелкопомѣстныя барыни и барышни наши, боящіяся загару больше всего на свѣтѣ, остаются на нивахъ при жнецахъ по цѣлымъ днямъ, и если не жнутъ сами, то единственно изъ уваженія къ своему дворянскому достоинству.

Но у Гаврила Петровича Квача, нашего исправника, половина дворовыхъ людей оставалась дома, и на кухнѣ происходило необыкновенное движеніе. Множество куръ лишено было жизни. Ключница доставила повару большой запасъ масла и сливокъ. По всему было видно, что въ домѣ готовится къ ночи прирушка. Хозяина нѣтъ дома; хозяйка, Степанида Карповна, вся раскраснѣлась, бѣгая по всему дому изъ угла въ уголъ. Меньшія дѣти, непристроенныя еще въ учебныя заведенія, бѣгаютъ впереди и позади маменьки съ запачканными въ варенье руками и носами. Ихъ крикъ и пискъ надоѣлъ бы самому терпѣливѣйшему изъ нашей братии, людей кабинетныхъ; ихъ путающаяся вереница сбила бы съ ногъ самого поворотливаго изъ насъ. Но Степанида Карповна только отъ времени до времени покрикиваетъ на нянюшекъ; дѣти не мѣшаютъ ей исполнять тысячу хозяйственныхъ затѣй и веселятъ своимъ шумнымъ присутствіемъ материнское сердце.

Между тѣмъ оба брата Гаврила Петровича заохочиваютъ своихъ жнецовъ къ работѣ и наслаждаются зрѣлищемъ тучныхъ колосьевъ, складываемыхъ въ жмѣні, потомъ въ снопы и, наконецъ, въ полѣвки. Вечеръ, какъ я уже сказалъ, выпалъ удивительный. Петро Петровичъ пользуется прозрачностью воздуха, потерявшаго свой ослѣпительный, жаркій блескъ, и озираетъ весь ровный кругозоръ полей, усѣянныхъ жнецами и полѣвками.

Молодецъ изъ себя Петро Петровичъ, красивѣе обоихъ братьевъ! Взглядъ у него не такъ добродушенъ, какъ у брата Гаврила, но зато въ немъ нѣтъ и той задумчивости, которая овладѣваетъ послѣ обѣда братомъ Антономъ: взглядъ его быстръ, какъ у орла, и не напрасно разбрасываетъ Петро Петровичъ глазами по сосѣдскимъ полямъ....

Весело звучать вблизи и вдали заживныя пѣсни. Буртищскіе казаки знаютъ, что не всѣ ихъ полукипки будутъ лежать у нихъ на гумнѣ; но это ихъ беспокоитъ мало: они и при посѣвѣ молятся: *Роді, Бóже, и на трудящого, и на крадіючого*. Звучать поля торжественными сельскими гимнами; чистая, вдохновенная народная поэзія наполнила ихъ прекрасными образами, — и, углубляясь въ общую гармонію звенящихъ серповъ и голосовъ людскихъ, забываешь о разстояніи, отдѣляющемъ людей работающихъ отъ тѣхъ, которые смотрятъ на работу. Обманутому согласіемъ природы воображенію кажется, будто всѣ эти высыпавшіе на жнива люди связаны одними и тѣми же нравами, обычаями, чувствами.

Нива Антона Петровича — рядомъ съ нивами старшаго брата, на которыхъ недостаетъ столькохъ работниковъ. Жнецы его далеко опередили сосѣднихъ и воспѣли дружными голосами хвалу своему господину:

Ой чіе то поле
Зазвеніло, стбѣ?
Зазвеніло, зазвеніло, стбѣ!
Антонове поле
Зазвеніло, стбѣ,
Зазвеніло, зазвеніло, стбѣ!
Женці молодіі,
Серпні золотіі...
Зазвеніло, зазвеніло, стбѣ!
И жіто пожали,
И въ кóпи поклáли...
Зазвеніло, зазвеніло, стбѣ!

Ой чіе то поле,
Задрімáло стбѣ?
Задрімáло, задрімáло, стбѣ?
Гаврі́лове поле
Задрімáло, стбѣ....
Задрімáло, задрімáло, стбѣ!

Женці все старіі,
 Серпій лубянійі...
 Задріма́ло, задріма́ло, сто́я!
 Жі́та не пожа́ли,
 Серпій полама́ли...
 Задріма́ло, задріма́ло, сто́я!

Солнце ласково наклонило сіяющую свою голову надъ работающимъ дружно народомъ и бросило длинную тѣнь отъ каждого дерева, случайно уцѣлѣвшаго на межѣ, — отъ каждого воза, на которомъ развѣшены лишнія плахты и свиты, — отъ каждой дѣтской люльки, висящей на полевомъ треножникѣ, отъ каждого коня и вола, наслаждающагося роскошною пашею по стернѣ. Уже пастухи, осторожно напускающіе на очищенные поля свои отары, хлопаютъ длинными пугами на возвратный ходъ къ селу, и насытившіяся зернами и полевыми насѣкомыми птицы разлетаются стадами съ полей въ ночныя свои убѣжища — по лѣсамъ, болотамъ и рѣчнымъ камышамъ. Дружнѣ прежняго принялись жнецы и жницы за работу, почувавъ въ воздухѣ живительную свѣжесть; но дѣятельность ихъ — ничто въ сравненіи съ тою, которая кипѣла въ домѣ пана исправника.

Хозяйка, перебѣгая много разъ съ толпою дѣтей изъ дома въ кухню и изъ кухни обратно въ домъ, боязливо поглядывала на спускающееся ниже и ниже солнце. Оно сегодня быстрѣе обыкновеннаго прячется за вишни и развѣсистыя груши... свѣтитъ оттуда еще нѣсколько времени множествомъ сверкающихъ глазъ... и наконецъ его невидно... Покраснѣвшее на западѣ небо возвѣщаетъ конецъ дня. Стада шумно наполняютъ сельскія улицы. Жнецы слышны уже въ отдаленіи, и скоро ихъ голоса зазвучать у самихъ воротъ исправника:

Чужі пані, якъ пугачи,
 Держать людѣй до півночи,
 А нашъ соловейко
 Пускає раненько.....

Вдругъ раздается желанное и страшное для Степаниды Карповны слово: *Гости! гости!* сперва на дворѣ, потомъ въ передней и, наконецъ, въ комнатахъ. Она, съ нѣкоторымъ отчаяньемъ, но вмѣстѣ и съ сознаніемъ, что ни одна хозяйка не совершила

бы столько подвиговъ въ такое короткое время, запирается на-
крѣпко въ спальнѣ. Дѣвушки льютъ на нее холодную воду; дѣ-
вушки распускаютъ ей волосы и тутъ же сообщаютъ имъ, по-
средствомъ помады и гребенки, удивительный видъ. Что-то въ
родѣ утки съ растопыренными крыльями является надъ повели-
тельнымъ челомъ исправницы. Прозрачная черная накладка съ
зеленю въ видѣ какого-то кустарника довершаетъ уборку головы
ея, и всё это стоить ей не болѣе пяти-шести молчаливыхъ толч-
ковъ. Поднятое надъ нею двумя горничными платье съ шумомъ
окружаетъ ее своими складками. Дѣти не смѣютъ больше прика-
саться къ ней своими липкими руками, и сама прислуга посто-
ронилась далеко отъ барыни. Криволинь граціозно колеблется
подъ шумящимъ по полу шелкомъ.

Пока она одѣвалась, въ гостинную выбѣгали изъ спальни
черезъ дѣвичью дѣти, по одному, по двое, а иногда и всѣ пя-
теро вмѣстѣ, и увѣдомляли гостей веселымъ крикомъ: »Уже мама
умылась!« »Уже мама надѣла криволинь!« и такъ далѣе. Гости,
двѣ старыя, но очень живыя дѣвы-сосѣдки, стараются поймать и
расцѣловать прелестныхъ малютокъ; но съ буйнымъ хохотомъ
мальчики и дѣвочки убѣгаютъ во внутреннія комнаты. Въ ожи-
даніи хозяйки, гости любятъ новыя литографіи, появивши-
мися на стѣнахъ у исправника, который очень любитъ портреты
въ генеральскихъ мундирахъ и не упускаетъ случая увеличить
свою коллекцію.

Наконецъ обѣ половинки двери изъ спальни въ гостинную
распахнулись. Въ пышномъ нарядѣ явилась Степанида Карповна,
какъ солнце въ радужныхъ облакахъ. Глубоко ненавидитъ она
пріѣхавшихъ сосѣдокъ, прозванныхъ Четотками за ихъ болтли-
вость и насмѣшливость; глубоко ненавидятъ ее пріѣхавшія сосѣд-
ки, за вѣчно новые и недоступные для нихъ наряды; но съ обѣ-
ихъ сторонъ раздаются радостныя восклицанія, какихъ вы не услы-
шите нигдѣ, при самой неожиданной встрѣчѣ друзей.

Степанида Карповна не получила никакого воспитанія и вовсе
не готовилась къ той роли, которую теперь играетъ въ уѣздѣ.
Сосѣдки, напротивъ, выросли въ богатомъ домѣ, среди большого
уѣзднаго свѣта, и при всякомъ случаѣ даютъ ей это чувствовать.
До сихъ поръ она подавляла ихъ только своими нарядами, но се-

годня насталъ новый періодъ ея жизни: сегодня Гаврило Петровичъ воротится въ назначенный заблаговременно часъ изъ Аскольдова и привезетъ домой дочь-институтку. Она ужъ получила извѣстіе черезъ нарочного, что они поджидаютъ стѣзда гостей въ ближайшемъ стану, чтобы поразить всѣхъ и новою каретою, и красотою воспитанной надиво дочки.

Не успѣла Степанида Карповна размѣняться привѣтствіями съ двумя первыми гостями, какъ прикатили *стряпчіе*, то есть стряпчій съ женою и тремя дочерьми-невѣстами. Еще не умолкли радостныя восклицанія по случаю пріѣзда стряпчихъ, какъ явился Капитонъ Павловичъ Иволгинъ, содержатель станціи въ нашемъ уѣздномъ городѣ и душа нашего уѣзднаго общества.

Я пропускаю столько лицъ безъ подробной характеристики единственно потому, что мнѣ, какъ сосѣду и земляку всѣхъ ихъ, какъ-то неловко хвалиться ими передъ публикой; но не могу умолчать о Капитонѣ Павловичѣ. Онъ происходитъ изъ семейства, которое искони отличалось умѣньемъ составлять лестныя для себя знакомства и передало ему это качество въ числѣ другихъ наслѣдственныхъ даровъ. Никто въ уѣздѣ не знакомъ съ такимъ количествомъ генераловъ, графовъ и князей, какъ Иволгинъ. Въ послѣднее время онъ весь досугъ свой посвящалъ недавно возвратившемуся изъ столицы князю или графу, и уѣздное общество наше долго лишено было удовольствія видѣть его въ своемъ кругу. Барышни Чечотки разнесли при этомъ слухъ, будтобы онъ не выходитъ изъ своей *дѣтской*, какъ называютъ онъ, подъ веселый часъ, свою кладовую съ бочонками и сумеями, что съ горя онъ совсѣмъ опустился и одѣтъ всегда грязно, «какъ лакей». (Лакеи, дѣйствительно, въ нашемъ уѣздѣ одѣты по большей части замѣчательно грязно, а въ томъ числѣ и у самихъ Чечотокъ). До какой степени справедливы были слухи объ Иволгинѣ, трудно сказать навѣрное. Извѣстно только, что въ послѣднее время онъ началъ знакомиться преимущественно съ учеными и литераторами, и очевидно открылъ для себя новый источникъ внутренняго довольства. Начали даже поговаривать, что Капитонъ Павловичъ самъ сочиняетъ стихи, но какъ они «содержанія національнаго», то онъ не всякому ихъ показываетъ, опасаясь навлечь на себя неудовольствіе космополитовъ. Какъ бы то ни было, но фізіономія Иволгина сіяла новымъ блескомъ, и еслибъ

ему не было пятидесяти лѣтъ (что, впрочемъ, онъ держитъ въ секретѣ), то можно было бы подумать, что онъ дожидается прелестной институтки съ какими-то неясными надеждами. Поглаживая свои густые, сѣрые усы, вовсе непохожіе на мышъ, какъ увѣряли насмѣшливыя барышни Чечотки, онъ подѣлъ къ хозяйкѣ съ невиданной доселѣ въ немъ величавостью и между прочими пріятными рѣчами упомянулъ въ десятый разъ о своемъ знакомствѣ съ ученымъ профессоромъ, который преподавалъ въ Аскольдовскомъ институтѣ исторію и отзывался съ необыкновенными похвалами о mademoiselle Квачъ.

— Степанида Карповна! говорилъ Иволгинъ, положа торжественно руку на сердце, — вотъ убей меня Богъ, если это не собственные слова его: »Сколько прелестна, столько же и умна!« Умницъ у насъ довольно, слава Богу, прибавилъ онъ, взглянувъ не безъ свирѣпости на сосѣдокъ Чечотокъ, съ которыми постоянно былъ въ ссорѣ, — но *прелестныхъ*... (тутъ онъ кашлянулъ и понизилъ голосъ) Господь какъ-то не вспомнилъ объ нашемъ уѣздѣ во время его сотворенія.

Обѣихъ сестеръ точно какъ-будто потрясло гальванизмомъ отъ этихъ рѣчей. Меньшая изъ нихъ, тонкая и блѣдная дѣвица съ острыми черными глазами, подпрыгнувъ на своемъ стулѣ, тотчасъ отрѣзала:

— Зато онъ одарилъ его дворянами, которые охотно постояли бы съ салфеткой за стуломъ у генерала, чтобъ только разсказать потомъ, о чемъ бесѣдовалъ у себя за обѣдомъ его превосходительство.

Съ сознаніемъ своего достоинства посмотрѣлъ на нее Иволгинъ и сказалъ:

— Инымъ-прочимъ, конечно, недоступно аристократическое общество, но между нами есть и такіе, которые сидѣли vis-à-vis съ фельдмаршалами.

— И которые теперь прислуживаются школьникамъ изъ мужиковъ, рѣзко замѣтила другая Чечотка, круглолицая и довольно прямодушная на видъ особа, съ голубыми, нѣкогда прелестными глазами и съ золотистыми, нѣкогда удивительными волосами.

Никто не понялъ этого намека: ни стряпчій, человѣкъ пронырливый по самой профессіи своей, ни его супруга, достойно раздѣлявшая съ нимъ его служебные заботы, а тѣмъ менѣе Сте-

панида Карповна, при всей своей гордости, довольно простодушная. Но Иволгинъ завертѣлся на своемъ стулѣ, какъ-будто его укололи въ самое чувствительное мѣсто. Дѣйствительно, ученый профессоръ, котораго знакомствомъ онъ такъ величался, былъ сынъ простого козака-хлѣбороба. Иволгинъ узналъ объ этомъ скандальномъ обстоятельстве отъ самого профессора, но утаилъ оное отъ всѣхъ, и теперь былъ въ совершенномъ неудомѣніи, какимъ образомъ пронюхали его тайну барышни Чечотки!

Вмѣсто всякаго возраженія, онъ величаво поправилъ на шеѣ новый, въ первый разъ надѣтый, галстухъ и обратился къ стряпчему, какъ-бы продолжая прерванный разговоръ:

— Дѣ, Никодимъ Трифоновичъ! я съ вами совершенно согласенъ, что нашъ уѣздъ начинаетъ замѣтно очищаться отъ всякой ветоши и украшаться личностями, достойными благороднаго дворянства. Но, впрочемъ, попадаетея иной разъ подъ руку такая ветошь, которой не сбудеши ни въ какомъ ветошномъ ряду.

Эти слова привели стряпчаго гораздо въ большее смущеніе, нежели тѣхъ, къ кому относились. Онъ подумалъ о своихъ дочеряхъ, которыхъ давно бы ужъ пора было сбыть съ рукъ, и невольно покраснѣлъ, что сообщилось и его супругѣ, а вслѣдъ за ней и всѣмъ тремъ дочерямъ.

Иволгинъ это замѣтилъ и, подойдя къ старшей, которую, какъ онъ зналъ, прочили ему въ невѣсты, сказалъ, пріятно ослабивъ свою физиономію:

— Марья Никодимовна! позвольте мнѣ быть съ вами дерзкимъ!

Марья Никодимовна отвѣчала машинально:

— Извольте!

— Мнѣ не безъизвѣстно, что вы играете новую польку Шопена или Моцарта. Сыграйте намъ, осчастливьте наши уши!

Но польки рѣшительно нельзя было сыграть: къ подъѣзду подкатила огромная кочъ-кареда; изъ нея высыпалось множество дѣтей, начиная съ трех-лѣтняго до тринадцати-лѣтняго возраста, а вслѣдъ за ними и сама родительница ихъ, великолѣпнѣйшая изъ женщинъ, по выраженію Иволгина, который былъ въ нее нѣкогда влюбленъ и чуть было не застрѣлился, когда она вышла змужъ за другого, но раздумалъ и началъ пить. Великолѣпнѣйшая изъ женщинъ недавно овдовѣла, и съ того времени не разстается съ своими дѣтьми ни подъ какимъ видомъ, увѣряя, что

всѣ они — совершеннѣйшіе портреты покойнаго ея мужа. Ее именно за то и уважали, что она необыкновенно нѣжна къ своимъ дѣтямъ.

Когда она заняла приличное ей мѣсто, Капитонъ Павловичъ, вспомнивъ старину, заговорилъ съ нею поэтическимъ языкомъ, который онъ усвоилъ себѣ съ недавняго времени, и распространился на счетъ какихъ-то унылыхъ чувствъ и соловьиныхъ пѣсень; но она перебила его рѣчь восклицаніемъ:

— Какъ-таки вы, Капитонъ Павловичъ, не боитесь Бога! Братъ мой Костя вчера пріѣхалъ изъ Полтавы, и съ него на вашей станціи взяли прогоны за тройку лошадей!

Иволгинъ сваливалъ свою вину на писаря, но грудь великолѣпнѣйшей женщины волновалась негодованіемъ, и она прибавила:

— Съ того времени, какъ вы начали проводить по цѣлымъ днямъ у князя, вы на насъ, бѣдныхъ дворянъ, не обращаете вниманія.

Это была не болѣе, какъ острая шпилька, безъ которыхъ наши уѣздныя дамы никогда не входятъ въ общество. Надобно пожить между ними довольно времени, чтобы понять вполне, что это за воинственный народъ. Многія изъ нихъ одарены самыми кроткими голосами, но вслушайтесь, какія тонкія, тонкія жала впускаютъ онѣ другъ другу въ сердце, повидимому безъ всякаго намѣренія! Напримѣръ, госпожа Протазанова отзывается весьма благосклонно о блестящемъ воспитаніи нынѣшней молодежи и тутъ же прибавляетъ съ добродушной прямою:

— А мы съ вами, Степанида Карповна, въ шестнадцать лѣтъ едва читать умѣли!

Степаниду Карповну отъ этихъ словъ коробитъ, и отъ нея не ускользнулъ полувзглядъ, брошенный госпожей Протазановой на сосѣдокъ Чечотокъ, съ которыми она состоитъ въ родствѣ и дружбѣ.

— Дѣ, сказалъ стряпчій, не успѣвшій дать своимъ дочерямъ никакого воспитанія, — это должно быть особенно пріятно для родителей, когда дѣти знаютъ то, о чемъ они и не слышали. Я бы желалъ хоть на старость поумнѣть въ просвѣщенной компаніи.

Хозяйка вертится, какъ муха въ кипяткѣ, но скрываетъ свое

свое смущеніе тѣмъ, что велитъ дѣтямъ сказать Пазькѣ, чтобъ подала варенье.

Горничная и вмѣстѣ ключница Пазька, въ нанковомъ поло-сатомъ платѣ дудочкой и въ башмакахъ на босую ногу, подаетъ варенье на превосходномъ хрустальномъ сервизѣ, какого нѣтъ ни у кого изъ гостей.

Хозяйка бросаетъ торжествующій взглядъ и думаетъ:

»Погодите, пріѣдетъ моя Нина.... Зададимъ мы балъ, — всѣхъ васъ уничтожимъ!«

Гости въ самомъ дѣлѣ чувствуютъ больше прежняго уваженіе къ хозяйкѣ, оцѣнивая мысленно хрусталь и золоченныя ложечки подъ чернью; но никто не обращаетъ вниманія на сервизъ. (Мы ужъ усвоили себѣ аристократическую манеру — ничему не удивляться.) Только старшій сынокъ исправника, наслушавшись домашнихъ толковъ о дорогой посудѣ, сказалъ:

— Это папенькѣ Мирскій изъ губерніи привезъ!

Мать ударила его за это разшитымъ душистымъ платкомъ, а гости значительно переглянулись, очень хорошо зная, что исправникъ спасъ Мирскаго отъ тюрьмы и Сибири.

Исправницкій сынокъ не совсѣмъ понималъ, за что его ударили, и, подойдя къ Иволгину, сказалъ въ полголоса:

— Мирскій прислалъ еще папенькѣ сѣрлаго жерлебца.

На это Иволгинъ отвѣчалъ ему также въ полголоса:

— Хорошо, душенька! Когда ты вырастешь, то и тебѣ будутъ дѣлать такіе подарки.

— Матюша! сказала рѣзкимъ голосомъ мать, — поди руки вымой: ты совсѣмъ запачкалъ Капитона Павловича. — Пазька! ты чего смотришь?

Матюша, глядя на свои грязныя руки, медленно вышелъ въ дѣвичью къ Пазькѣ.

III.

Возвращеніе институтки въ родной домъ.

Въ эту минуту на дворѣ раздался стукъ, непохожій ни на звяканье старосвѣтской коляски, въ которой пріѣхали барышни Чечотки, ни на тяжелый гулъ брички стряпчихъ, ни на дре-

безжанье и грохотъ огромнѣйшей кочъ-кареты Протазановыхъ, словомъ — ни на одинъ изъ тѣхъ знакомыхъ нашему слуху стукъ, которыми сопровождается появленіе гостей на нашихъ сельскихъ и хutorекихъ дворахъ. Какое-то ровное, благородное урчанье и шелканье сопровождало легкое потрясеніе почвы вдоль оконъ. Всѣ оживились, всѣ спѣшили къ окнамъ.

У подъѣзда блистала новая карета на лежачихъ рессорахъ. Изъ кареты вышелъ, съ помощью ливрейнаго лакея, исправникъ и, обратясь широкимъ своимъ тыломъ къ зрителямъ, подалъ руку пріѣхавшей съ нимъ дочери.

Чувство красоты доступно всякому, и въ красотѣ несомнѣнной, рѣшительной примиряются всѣ вкусы. Дочка исправника поразила наше общество удивленіемъ. Она дѣйствительно была прекрасна, и при этомъ въ ея лицѣ, манерѣ и самой одеждѣ было столько честной и кроткой простоты, что сама зависть должна была умолкнуть передъ нею, — по крайней мѣрѣ въ первую минуту встрѣчи.

Мать бросилась на крыльцо; за нею двинулись и гости, придавъ своимъ лицамъ возможно пріятныя выраженія.

— Нина! Ниночка! Ангелъ мой! раздавалось на крыльцѣ.

Сцена была трогательная, какъ обыкновенно въ такихъ случаяхъ водится. А тутъ еще выбѣжали толпою меньшіе братья и сестры Нины и, вѣпясь ей въ платье, требовали отъ нея самыхъ горячихъ поцѣлуевъ. Поцѣлуй были имъ розданы; дѣти кой-какъ отстали отъ нея и позволили ей бросить взглядъ на общество.

Дѣвицы Чечотки очень церемоніально и съ чувствомъ своего достоинства напомнили ей о себѣ. Потомъ заключили ее въ обычныя при такихъ встрѣчахъ объятія. Ихъ поцѣлуй были очень громки, и обѣ онѣ казались взволнованными.

Тоже сдѣлала и госпожа Протазанова; тоже сдѣлали и стряпчіе. Вышло какъ-то такъ странно, что всѣ гости представлялись ей, какъ старшей, и только успокоясь отъ перваго порыва удивленія и безотчетной радости, общество наше, размыслило что дѣло сдѣлано неловко, и всѣ молча были собой недовольны, — недовольны тѣмъ болѣе, что спокойный видъ Нины казался имъ выраженіемъ гордаго о себѣ мнѣнія.

Одинъ только Иволгинъ оказался человѣкомъ *comme il faut*. Дождавшись, пока толпа возвратится въ гостинную, онъ просилъ

своего друга Гаврила Петровича представить его своей дочери, и потомъ очень удачно напомнилъ о себѣ Аннѣ Гавриловнѣ.

Она не узнала его, такъ онъ обрюзгъ и осунулся въ послѣднія восемь лѣтъ, но не дала ему этого замѣтить.

Тутъ Иволгину представился отличный случай распространиться о своемъ знакомствѣ съ профессоромъ Нечаемъ.

Знакомое и, какъ видно, милое имя вызвало радостную улыбку на уста институтки; она даже немножко покраснѣла отъ этой неожиданности, что и было тотчасъ подмѣчено обѣими Чечотками.

Госпожа Протазанова не имѣла надобности быть проницательною, потому что отъ барышень Чечотокъ не укрывается ни одна тайна во всемъ уѣздѣ, а барышни Чечотки состоятъ съ нею не только въ родствѣ, но и въ тѣсной дружбѣ.

Молодой части стряпчихъ сдѣлалось почему-то очень неловко, и она съ удовольствіемъ уѣхала бы домой; но старая часть впиалась глазами въ институтку съ какимъ-то помѣшательствомъ. По крайней мѣрѣ такъ казалось самой институткѣ.

Ей было тягостно въ родительскомъ домѣ среди этихъ гостей. Она воображала иначе возвратъ въ родную семью, къ тѣмъ лицамъ, которыя знала въ дѣтствѣ, къ тѣмъ предметамъ, которые какъ-то поэтически напечатлѣлись въ ея памяти. Ей бы хотѣлось броситься въ объятія матери и своихъ нянекъ безъ постороннихъ свидѣтелей, и потомъ обѣжать по-дѣтски весь домъ и садъ, и всѣ памятные ей тропинки и уголки. Но теперь она была здѣсь, какъ чужая: столько глазъ было устремлено на нее съ невыносимой для нея пытливостью; столько лицъ окружило ее густой толпою; столько знакомствъ пришлось ей вдругъ возобновить послѣ долгаго пребыванія въ иномъ мірѣ вещей и понятій.

Самыя стѣны и мебель были не тѣ, которыя она знала въ дѣтствѣ. Ей было жалъ стараго, скромнаго домика и его убогой, но дорогой для нея, обстановки. Но исправнику и въ умъ не приходили подобныя сожалѣнія. Онъ тотчасъ повелъ ее въ комнату, отдѣланную собственнo для нея. Вся толпа гостей съ хозяйскими дѣтьми и градаціею большихъ и малыхъ Протазановыхъ повалила за ними слѣдомъ. Анна Гавриловна благодарила отца, и тотъ поймалъ ея поцѣлуй своими толстыми губами, точно какой ловушкою. Мать при семъ удобномъ случаѣ бросилась цѣ-

ловать ее съ новою горячностью. Дѣти также повторили прежній манёвръ; и Анна Гавриловна, послѣ ихъ усердныхъ объятій, не безъ сожалѣнія увидѣла на свѣтлой кисеѣ своего дорожнаго платья отпечатки ихъ рукъ.

— А что, дочко! сказалъ исправникъ, обнявъ своей жирной рукой ея тонкій, изящный станъ: — я говорилъ тебѣ, что теперь ты дома ничего не узнаешь!

— Ниночка моя! сказала съ другой стороны мать, — пойдемъ, я покажу тебѣ мою спальню и гардеробную.

— Веди ее, душа моя, къ себѣ, а я покажу гостямъ Ниночкину карету, сказалъ исправникъ. — Это вѣдь ея карета: она давно была заказана къ ея выпуску.

Всѣ послѣдовали за исправникомъ смотрѣть карету, хотя вечеръ надвинулся темнѣе прежняго. За ними бросились и дѣти съ крикомъ: »Карлету, карлету смотрѣть!«

Сколько счастья устроено было родителями для милой дочери! Чего еще оставалось ей желать? Взявъ подъ руку свою дорогую Нину, исправница, съ торжествомъ въ душѣ, вела ее черезъ длинный рядъ комнатъ. Впереди шелъ ливрейный лакей, игравшій роль дворецкаго, буфетчика, камердинера и чуть ли еще не постельничаго. Онъ отворялъ двери и отгонялъ толпу дѣвченокъ и бабъ, тѣснившихся смотрѣть на барышню. Этотъ манёвръ производилъ онъ съ такимъ успѣхомъ, что до сихъ поръ ни одна простонародная фizioномія не оскорбила зрѣнія выхоленной въ институтѣ барышни. Нина не догадывалась, въ чемъ дѣло, и удивлялась только, что лакею открыть свободный доступъ въ дамскую спальню. Но онъ прижалъ очень больно дверью спрятавшуюся дѣвчонку. Дѣвчонка, съ чулкомъ и прутками въ рукахъ, вдругъ запишала не своимъ голосомъ, и изъ дѣвичей, позабывъ страхъ, бросилась къ ней на помощь разныя служилыя личности. Это дало барышнѣ случай увидѣть вдругъ передъ собою цѣлое общество босоногихъ людей одного съ нею пола. Одѣтыя очень убого и смиренныя видомъ, онѣ не осмѣлились подступить къ ней близко, и только издали кланялись. Но Нина, вовсе неожиданно для матери, обрадовалась чрезвычайно этимъ знакомымъ ей, только постарѣвшимъ, лицамъ и бросилась совершенно подѣтски ихъ цѣловать. Это были единственные памятники ея безпечнаго дѣтства. Они одни воскресли въ ней рядъ мел-

кнхъ, но вѣчно дорогихъ воспоминаній. »Пазька! Улька! Палажка!« восклицала она, засыпаемая ихъ поцѣлуями въ лицо, въ плеча, въ руки.

Степанида Карповна боязливо оглядывалась, не видятъ ли этой сцены барышни Чечотки.

— Оставь ихъ, душенька! говорила она: — онѣ такія грязныя. — А вы что уцѣпились въ барышню? прикрикнула она на прислугу.

Но никто не слушалъ исправницы. Убогій и смиренный горничный народъ, почуявъ теплое человѣческое чувство въ барышнѣ, которой ожидали съ такими приготовлениями, прильнулъ къ ней съ неспитворными, горячими слезами, — точно какъ-будто до сихъ поръ сидѣлъ въ безотрадной темницѣ и вдругъ увидѣлъ посреди себя свѣтлаго ангела. Невозможно выразить чувства, съ которымъ приняли эти бѣдные люди дѣтскіе поцѣлуи прелестной, блистательной институтки. Каждое сердце какъ-то бо-лѣзненно и сладко повернулось, и слезы ихъ были вѣчными жалобами на все, что они испытали въ послѣднія восемь лѣтъ исправничьяго благоденствія.

Степанида Карповна оцѣнила, однакожъ, привязанность своей прислуги къ барышнѣ, вовсе не предполагая, что въ ней чуетъ народъ противоположность старымъ господамъ, или по крайней мѣрѣ чаетъ этой противоположности. Она сама прослезилась и сказала:

— Ну, полно же вамъ, полно! Надобно и честь знать! Ато *ко-ли медѣ, такъ и ложкою.*

Ливрейный лакей также принялъ участіе въ трогательной сценѣ и, расталкивая густую толпу, сравнилъ ее очень выразительно съ свиньями, бросившимися къ корыту.

— Маменька! велите ему отсюда выйти! сказала жалобно Нина.

— Ты здѣсь зачѣмъ? грозно обратилась исправница къ лакею, какъ-будто онъ никогда не входилъ въ спальню.

И ливрейный лакей, не показавъ никакого изумленія, вышелъ. За нимъ ушлись робко изъ спальни и прочіе захребетники, какъ-будто вдругъ сообразивъ, какъ далеко увлеклись они за предѣлы почтенія къ господамъ.

— Ниночка моя! сказала мать, отирая своимъ душистымъ

платкомъ слезы на глазахъ дочери, — ты этимъ чернавкамъ обрадовалась больше, чѣмъ мнѣ.

— Мама! отвѣчала дочь: — я до сихъ поръ не могу придти къ себѣ: зачѣмъ вы называли этихъ гостей?

— Дружечекъ мой! это всё наши близкіе сосѣди. Я хотѣла раздѣлить съ ними нашу радость.

— Но папа мнѣ дорогою рассказывалъ, какіе они завистники и недоброжелатели. Онъ хвалилъ одного Иволгина, который, однакожъ, мнѣ не нравится. Прежде онъ былъ не такой противный.

— У него, мой другъ, доброе сердце, и знакомства у него всё такія прекрасныя. Ну, будь же веселѣе, моя Ниночка! покажи вашимъ сосѣдкамъ свое превосходство!

— Богъ съ ними! сказала дочь. — Я не хочу съ ними ни въ чемъ соперничать. Я бы желала только, чтобъ онѣ не смотрѣли такъ на меня. Скоро ли онѣ разѣдуются, мама?

— Чтѣ ты, мой другъ Ниночка! Сегодня у насъ вечеринка. Еще подѣдутъ гости.

Ихъ разговоръ прервали гости, шумно возвращавшіеся въ комнаты. Ливрейный лакей подаль свѣчи въ тяжелыхъ новѣшенкахъ подевѣчникахъ, какихъ не было ни у кого изъ сосѣдей. Стряпчій не выдержалъ и подошелъ полюбоваться; но потомъ сказалъ съ нѣкоторымъ презрѣніемъ, обращаясь къ Иволгину: »Мѣдь!«

Иволгинъ, какъ человекъ, входяій въ аристократическое общество, объяснилъ ему, что это мѣдь очень дорогая и стоить массивнаго серебра, чѣмъ исправникъ остался очень доволенъ и объявилъ, что пора и намъ цѣнить вещи по работѣ, а не по матеріалу.

— Вотъ я купилъ для моей Нины въ Аскольдовѣ часы съ цѣпочкою, продолжалъ онъ. — Взять въ руку и взвѣсить — дрянъ. Привычная къ золоту рука тотчасъ сообразить, что тутъ золота... ну, пускай будетъ на десять полумпериаловъ, а заплатилъ я ровненько 200 цѣлковыхъ!

— А гдѣ же они, Ріля? спросила нѣжно исправница.

— Ну, вотъ поди съ твоею дочкою, Нидя! отвѣчалъ нѣжно мужъ: — пожалѣла надѣтъ въ дорогу!

Гости улыбнулись простодушію институтки. А исправникъ досталъ изъ кармана футляръ съ часами и распустилъ сверкающую передъ завистливыми глазами гостей золотую цѣпочку.

— Тутъ уже Никодимъ Трифоновичъ не скажетъ *мѣдь!* замѣтилъ онъ, глядя съ самымъ счастливымъ смѣхомъ на стряпчачаго.

— Суета суеты! отвѣчалъ, вздыхая, стряпчій.

Нина, по настоянію отца, должна была надѣть на себя часы, и по этому поводу онъ поймалъ еще одинъ ея подѣлуй своими жирными губами.

Вдругъ подъ окнами раздался конскій топотъ, стукъ экипажа и голосъ кучера. Иволгинъ взглянулъ въ окно и опрометью бросился изъ гостинной. Нѣсколько голосовъ въ одно слово сказали: »Михайло Андреевичъ!« Видно было, что гость, означенный этимъ именемъ, пользовался всеобщимъ уваженіемъ. Исправникъ пошелъ къ нему навстрѣчу.

— Ты, душенька, помнишь Михайла Андреевича? спросила Степанида Карповна у дочери.

Дочь отвѣчала, что къ ней и въ институтъ доходили объ немъ слухи, какъ объ очень умномъ и почтенномъ человѣкѣ.

— Нашъ профессоръ Нечай знакомъ съ нимъ, прибавила она.

При этихъ словахъ, Богъ знаетъ почему, на щекахъ ея заигралъ легкій румянецъ. Барышни Чечотки, сидя подлѣ госпожи Протазановой, толкнули незамѣтнымъ образомъ съ обѣихъ сторонъ сію великолѣпную женщину. Но институтка спокойно продолжала:

— Отзывъ такого человѣка, какъ Нечай, очень для меня важенъ, и я въ восхищеніи отъ сосѣдства Конашевича. Нечай называетъ его человѣкомъ рѣдкимъ по уму и по сердцу.

— А самъ Нечай хорошъ собою, молодъ? спросили Нину постоѣбуреки.

Нина поняла смыслъ вопроса и отвѣчала спокойно:

— Красота и молодость не главные его достоинства. Моя наставница указывала намъ на него, какъ на образецъ хорошаго тона.

Поняли и барышни Чечотки отвѣтъ Нины, и почти въ одно слово сказали:

— Это странно слышать о козацкомъ сынѣ!

Но тутъ исправница, глядя въ окно, сказала:

— Кого жъ это привезъ съ собой Михайло Андреевичъ? Кого-то незнакомаго!

Всѣ бросились къ окнамъ смотрѣть, но никто не узнавалъ молодого господина въ сѣромъ пальто и въ сѣрой круглой шляпѣ,

который, выйдя изъ брчки, здоровался съ Иволгинымъ. Къ счастью, ни барышни Чечотки, ни Протазанова и никто въ эту минуту не оглянулся назадъ, ато бы они увидѣли, какъ институтка, завидѣвъ издали сѣрую шляпу съ черными, падавшими изъ-подъ ней волосами, горячо покраснѣла. Но яркій румянецъ погасъ на ея щекахъ прежде, нежели гости и ея маменька вернулись къ своимъ мѣстамъ.

IV.

Возобновленіе стараго знакомства.

Михайло Андреевичъ Конашевичъ, высокій старикъ съ сѣдыми кудрявыми волосами и благосклоннымъ выраженіемъ лица, подвелъ къ хозяйкѣ своего хорошаго знакомаго, профессора Нечая. »Вотъ легокъ на поминѣ!« чуть чуть не вскрикнула исправница въ порывѣ простодушія, и едва проговорила сквозь зубы, что очень ему рада. Зато мужъ объявилъ громко и какъ-бы официально, что господинъ профессоръ дѣлаетъ ихъ дому честь.

— Я зналъ, что онъ у тебя будетъ, да нарочно не говорилъ, сказалъ Иволгинъ на ухо исправнику, хотя это было вовсе не правда.

Исправникъ съ чувствомъ пожалъ Иволгину руку.

Анна Гавриловна встрѣтила своего бывшего наставника съ простою радостью ученицы, безъ всякаго видимаго волненія.

Нечай, сѣвъ подлѣ нея, объяснилъ, что, захавъ къ Михайлу Андреевичу, онъ засталъ его наготовѣ ѣхать въ Бүртице, куда его просили по одному торжественному случаю. Онъ очень обрадовался, узнавъ, что этотъ торжественный случай былъ ея прїѣздъ, и просилъ Михайла Андреевича взять его съ собою.

Все общество вслушивалось съ напряженнымъ вниманіемъ въ разговоръ молодыхъ людей, и сама хозяйка едва отвѣчала на вопросы подѣвшаго къ ней Михайла Андреевича, котораго посѣщенія были для нея большою рѣдкостью.

Нечай очень понравился всѣмъ присутствующимъ, не смотря на дворянское противъ него предубѣжденіе. Только Протазанова находила, что онъ, для полного очарованія не довольно высокъ

ростомъ. Чтѣ касается до барышень Чечотокъ, то онѣ внутренно изумлялись, какъ это отъ простыхъ козаковъ, которые вѣчно возятся съ плугомъ и волами, могъ произойти такой приличный джентельменъ. Но меньшая замѣтила Протазановой потихоньку, что въ его манерахъ, не смотря на хорошій тонъ, заимствованный въ знатномъ кругу, всё-таки осталось что-то мужиковатое, и Протазанова, какъ всегда и во всемъ, согласилась съ нею.

Иволгинъ очевидно гордился новымъ своимъ знакомымъ и старался позабыть, кто его родители.

Стряпчій удивлялся, что ученый профессоръ и человѣкъ, принадлежащій къ генеральскому кругу, говорить такъ просто и даже вмѣшиваетъ въ свою рѣчь украинскія шутки; а жена его готова была принять эту послѣднюю особенность городского гостя за насмѣшку надъ ея необразованными дочерьми, которыя изъ всѣхъ силъ старались выбиться изъ мужицкой рѣчи, какъ называли они родной языкъ свой, но никакъ не могли выбиться, и потому въ гостяхъ большею частью молчали. Старшая дочь ея досадовала на безпрестанно пріѣзжающихъ гостей: ей очень хотѣлось щегольнуть своими недавними успѣхами въ музыкѣ, на зло барышнямъ Чечоткамъ, которыя музыки не знали. Замѣчу кстати, что отецъ ихъ, разбогатѣвъ на должности стряпчаго, рѣшился поправить недостатокъ воспитанія дочерей дорогимъ роялемъ, и онѣ всѣ трое принялись за музыку съ ожесточеніемъ, выбирая въ жертвы своего искусства самыхъ знаменитыхъ композиторовъ.

Присутствіе Нечая преобразило Нину въ глазахъ всего общества. При немъ она почувствовала, что она у себя дома и, какъ будто позабывъ обо всѣхъ окружающихъ, передала ему свои дорожнія наблюденія надъ людьми, которыхъ столько лѣтъ не видала изъ своей институтской кѣтки. Веселая рѣчь ея была направлена чѣмъ-то въ родѣ насмѣшливости, потому что встрѣчные купцы, помѣщики, попы съ ихъ многочисленными попадьями и украинскіе ямщики съ ихъ заимствованнымъ ухарствомъ бросались ей въ глаза своей комической стороною. Нечай смѣялся, но тутъ же ей замѣтилъ, что она еще не видитъ внутренней связи и причинъ всѣхъ этихъ явленій, ато бы ей было не до шутокъ, и хотѣлъ было рассказать одинъ случай, въ которомъ смѣшное на взглядъ дѣлалось печальнымъ въ глазахъ внимательнаго наблюдателя, какъ въ эту самую минуту передъ нимъ явилось нѣчто

и смѣшное, и печальное. Какая-то грузная мужская фигура, въ военномъ сюртукѣ стараго покроя, въ которомъ талія приходилась на лопаткахъ, приблизилась къ Нинѣ и, прогремѣвъ слова: »Любезнѣйшая племянница«, обняла ее предлинными рукавами въ складкахъ и напечатлѣла на ея щекѣ громкій родственный поцѣлуй.

Институтка была оглушена этимъ привѣтствіемъ, но дядя Антонъ Петровичъ, по прозванію Мотузочка, не далъ ей опомниться отъ изумленія и пихнулъ къ ней (по крайней мѣрѣ ей такъ показалось) какую-то даму, тоже довольно грузную и накрытую желтою шалью.

— Это моя жена, дружочекъ Нина! сказалъ онъ: — не та, которая некла тебѣ изъ тѣста голубковъ, а другая, или лучше сказать, третья, — такой же ангелъ, какъ и двѣ первыя. Всѣ три жены у меня вышли сущими ангелами, дружочекъ Нина.

Между тѣмъ ангелъ во плоти, накрытый желтою шалью, купленною къ вѣнцу еще для первой невѣсты Антона Петровича, расплывалъ свою родственницу, какъ только было возможно радостнѣе.

Казалось, этого двойного приступа было бы совершенно довольно; но нѣжные супруги разступились и открыли за собою цѣлый строй своихъ любезныхъ чадъ, которыя бросились осыпать институтку самыми неистовыми поцѣлуями. Антонъ Петровичъ, стоя въ сторонѣ, прилагалъ отъ себя къ каждому лицу комментаріи:

— Это моя дочка, Даря, отъ первой моей супруги, Федосіи Ивановны. Она къ тебѣ бѣгала въ дѣтствѣ еще безъ пояска. Это другая моя дочка, Катя, отъ первой же моей супруги — упокой Господи ея душу! Ты, бывало, дразнишь ее замарашкою. Это третья моя дочка, Анюта, твоя тезка, уже отъ второй моей супруги, которая была такой же ангелъ, какъ и первая. При тебѣ она еще только начинала ходить. Это четвертая моя дочка, Параскевія, тоже отъ второй моей супруги. Она родилась въ тотъ самый день, какъ тебя повезли въ Аскольдовъ. А это сыночекъ мой, Осея, также отъ второй супруги. Онъ, бѣдняжка, и груди материнской не сосалъ. Поди, Осея душенька, ко мнѣ: я тебя поцѣлую. А это опять дочка, Настенька, уже отъ третьей моей су-

пруги, Ульяны Павловны, моего ангела-хранителя. Да еще дома осталось двое маленькихъ, близнецовъ. Ихъ привесутъ сюда къ матери покормить, какъ проснутся. Мы провели цѣлый день на нивѣ. Я сегодня и въ судъ не ѣздилъ. Погода удивительная! (эти слова относились ужъ ко всѣмъ вообще присутствовавшимъ). Тихо да любо въ полѣ! Жито такъ и звенитъ на серпахъ. (Тутъ онъ ударилъ по плечу старшаго брата). А жнецы мои надъ твоимъ полемъ смѣялись, Рила! Пѣли, что оно задремало стоя и что серпы у тебя лубяные.

— А тебѣ, Тоня, и не стыдно, что надо мною твои мужики смѣются? отвѣчалъ исправникъ. — Пстой, братику, я имъ покажу при случаѣ, что у меня не лубяное.

— Ну, этого-то я тебѣ, Рила, не позволю, хоть ты и старшій братъ, отвѣчалъ спокойно Тоня. — Изъ пѣсни слова не выкидать, а домочадцевъ моихъ я и самъ съумѣю наказать, когда нужно.

— Да Богъ съ ними! сказалъ добродушно исправникъ: — съ голаго ничего не возьмешь.

Здѣсь кстати замѣтить, что крестьяне Антона Петровича считались самыми убогими въ уѣздѣ, — на томъ основаніи, что онъ всѣхъ ихъ обратилъ въ дворовые и выдавалъ имъ хлѣбъ изъ собственной печи. Но сосѣди не вникали во внутреннія побужденія Антона Петровича, который называлъ крестьянъ своими домочадцами, какъ никто во всемъ уѣздѣ, а бѣдность поддерживалъ между ними, какъ противодѣйствіе пьянству и другимъ вреднымъ порокамъ.

— Удивительно, право, говорилъ онъ, обращаясь ко всему обществу, — какъ эти мужики ловко складываютъ свои пѣсни! Оно и глупо, какъ разобрать хорошенько, а слушаешь — и пріятно! Я вотъ въ судѣ, отъ нечего дѣлать, пробовалъ сложить что-нибудь про вишневый садъ, или тамъ про долю, какъ они поютъ, — нѣтъ, вѣдь ничего не выходитъ. А, кажется, владѣя русскимъ языкомъ, можно бы сложить получше этой хохляччины.... На все отъ Бога талантъ: и птичка поетъ — никто ея не учитъ.

Я уже сказалъ, что Антонъ Петровичъ отличался отъ братьевъ самоуглубленіемъ. Натура у него была дѣйствительно философская, ровная и невозмутимая. Иволгинъ, по своей склонности къ смѣ-

хотворству, часто рассказывалъ объ немъ забавные анекдоты въ его же присутствіи. Антонъ Петровичъ не сердился за это нисколько и, похлопывая Иволгина по плечу, говорилъ: »Какой, право, вы шутникъ, Капитонъ Павловичъ!« Впрочемъ онъ рѣшительно отвергалъ, будто бы не заплатилъ ничего городовому врачу, который ѣздилъ къ нему цѣлый мѣсяцъ лечить ангела жену его. По разсказу Иволгина, Антонъ Петровичъ, забывъ къ доктору изъ суда, сказалъ: »За то, что вы вылечили мою жену, я васъ приглашу къ себѣ обѣдать,« и тутъ же обратился къ Иволгину: »А васъ приглашу за то, что вы привезете его ко мнѣ и доставите въ городъ обратно.« Напротивъ, Антонъ Петровичъ утверждалъ, не придавая впрочемъ этому никакой важности, что онъ предлагалъ доктору для охоты отличные ботфорты, доставшіеся ему въ числѣ военной добычи въ 1831 году, но что докторъ самъ отказался отъ подарка.

Когда Пазька приготовила гдѣ-то въ другой комнатѣ и принесла гостимъ чай на великолѣпномъ подносѣ накладного серебра, въ залѣ раздался громкій и ровный стукъ, какъ отъ марширующаго солдата, и показалась новая чета Квачей, но уже безъ юныхъ своихъ отраслей, потому что молодая супруга Петра Петровича Злодія собственныхъ дѣтей еще не имѣла, а тѣхъ, которыхъ застала въ его домѣ готовыми, сослала въ заточеніе на кухню. Это была чета, на которую стоило полюбоваться. Петръ Петровичъ имѣлъ въ своей фигурѣ что-то геройское. Даже въ церкви онъ становился всегда у самихъ царскихъ вратъ и не иначе, какъ выставя впередъ ногу и почти подбоченясь. По его благородному и властительному виду, его бы слѣдовало прозвать Завоевателемъ, а не Злодіемъ; но сіе послѣднее названіе утвердилось за нимъ уже до такой степени, что и его потомковъ будутъ звать Злодіенками. Любо было взглянуть, какъ онъ подошелъ къ племянницѣ и поцѣловалъ ее сперва въ руку, а потомъ въ щеку. Можно было подумать, что онъ только вчера снялъ съ себя эполеты. Что ни говори, а такое ремесло, какимъ занимался Петръ Петровичъ, придаетъ человѣку что-то молодецкое, и нечему дивиться, если хорошенькая дѣвица Потрибенькина, нынѣшняя его супруга, увлеклась нѣжною къ нему склонностію. Она явилась дамой совершенно приличною. Даже долгое пребываніе на знойной нивѣ не помрачило ея кожи, которой сіяющій цвѣтъ чудесно сливался

съ золотомъ ея густныхъ волосъ и возвышала красоту голубыхъ ея глазъ, нѣжно глядящихъ на супруга. Петръ Петровичъ и по костюму своему принадлежалъ къ высшему разряду уѣздныхъ дворянъ: ухаживая за невѣстой, онъ возобновилъ весь гардеробъ свой и рѣзко отличался отъ обоихъ братьевъ, которые, впрочемъ, нисколько ему не завидовали, такъ какъ старшій, Гаврило, любилъ платье мѣшковатое, а средній, Антонъ, всему на свѣтѣ предпочиталъ военную униформу изъ нарочито крѣпкаго и носкаго сукна. Жена Петра Петровича была тоже одѣта, какъ куколка. Счастье первыхъ мѣсяцевъ супружества сіяло на обоихъ лицахъ.

Между тѣмъ, какъ Петро Петровичъ представлялъ свою молодую жену племянницѣ съ почтительно-ловкимъ поклономъ, Иволгинъ, стоя за стуломъ у профессора Нечая, сказалъ ему тихоньку:

— Это у насъ первый воръ въ уѣздѣ.

— А кто второй? спросилъ Нечай.

— Второй — старшій братъ его.

На это Нечай отвѣчалъ:

— Я воромъ называю всякаго, кто не хочетъ подумать, честными ли средствами онъ живетъ на свѣтѣ....

Но Иволгинъ его не понялъ и остался очень доволенъ интимною бесѣдою съ профессоромъ, которая была замѣчена всею честной компаніей.

— Какой умница этотъ Нечай! сказалъ онъ, подходя къ Михайлу Андреевичу, котораго онъ очень уважалъ за тысячу незаложенныхъ душъ и за то, что у него можно было выманить денегъ взаймы.

— А что? спросилъ тотъ, глядя на него съ холодной благосклонностью, извѣстной всему уѣзду.

— Онъ тотчасъ опредѣлилъ, что за лицо нашъ Петро Петровичъ.

Михайло Андреевичъ улыбнулся, какъ человѣкъ, невѣрящій тому, что слышитъ; но, по своему обычаю, удержалъ свою мысль про себя.

Это была одна изъ личностей, рѣдко встрѣчающихся въ уѣздной глуши. Приготовленный воспитаніемъ для дѣятельности на аренѣ обширной, онъ запертъ былъ нѣкоторыми обстоятельствами въ тѣсный кругъ уѣздныхъ помѣщичьихъ интересовъ и всю жизнь

чувствовалъ себя уединеннымъ посреди шумящаго хуторскаго общества. Онъ не встрѣтилъ здѣсь людей, достойныхъ душевнаго съ ними сближенія, и потому былъ ко всѣмъ равно близокъ и равно далекъ. Онъ дѣлалъ многимъ добро, хотя очень хорошо зналъ людскую неблагодарность. Онъ не чуждался уѣзднаго общества вообще, хотя мало находилъ въ немъ людей честныхъ. Онъ не вооружался противъ злоупотребленій такихъ людей, какъ исправникъ, зная по опыту, что дворяне его не поддержатъ и выберутъ на слѣдующій срокъ того же самого Гаврила Петровича, или Ивана Ивановича, или Семена Семеновича, котораго поступки онъ пробовалъ разоблачать до послѣдней наготы ихъ. Все переиспытавъ, обо всемъ передумавъ въ долгомъ своемъ уединеніи, Конашевичъ сдѣлался наконецъ молчаливымъ зрителемъ того, что передъ нимъ происходило. Онъ отводилъ душу обширнымъ чтеніемъ по разнымъ отраслямъ знаній человѣческихъ да перепискою и изрѣдка свиданіемъ съ такими людьми, какъ введенный имъ въ домъ исправника Нечай.

Молодые люди, знакомые между собой въ иномъ кругу и въ иной сферѣ общественныхъ интересовъ, очутились вдругъ подъ надзоромъ множества глазъ, ловившихъ всякое ихъ движеніе съ тою неотвязчивостью, которую можетъ родить одна пустота помѣщичьей жизни. Имъ бы хотѣлось переговорить о многомъ вдали отъ постороннихъ ушей, но они были окружены со всѣхъ сторонъ родными и сосѣдями, точно картина на выставкѣ. Положеніе ихъ дѣлалось невыносимо тягостнымъ. Но ихъ выручила наконецъ Степанида Карповна, старавшая нетерпѣніемъ показать превосходство своей дочери предъ всѣми сосѣдними барышнями.

— Нина дружочекъ! сказала она, — сыграй намъ что-нибудь.

— Охотно, отвѣчала дочь, — но не разстроены ли у васъ рояль?

— Какъ это можно? Вчера нарочно посылали въ городъ за настройщикомъ. Да я рѣдко кому и позволяю играть на немъ. У насъ тутъ проявился одинъ такой музыкантъ, что разбиваетъ сразу хоть какой инструментъ. »Я, говорить, подражаю Листу!« Богъ съ тобой и съ твоимъ Листомъ! Третьяго дня онъ былъ у насъ; такъ я и не показала ему твоего рояля; сказала — ключъ потеряли. Пазька, а подай ключъ отъ рояля!

Пазька знала, гдѣ хранится всякая мелочь въ домѣ, и въ ту же минуту принесла ключикъ.

Все общество перешло въ залу, за исключеніемъ задумчиваго Михайла Андреевича, любившаго слушать музыку издали. Нечай помѣстился подлѣ виртуозки, чтобы переворачивать ей потные листы, и не догадывался, какъ это было досадно Иволгину, который выдавалъ себя за знатока музыки.

V.

Торжество исправника и исправницы.

Нина спросила свою тетрадь нотъ въ черномъ футлярѣ, и вскорѣ исправничья зала наполнилась чистыми, задумчивыми звуками, которые на нѣкоторыхъ, и въ особенности на дѣтей, сдѣлали такое впечатлѣніе, какъ-будто въ залѣ никого не было, кромѣ очаровательной музыкантки, задумавшейся надъ роялемъ. Въ самомъ дѣлѣ, душа Нины полна была грустныхъ думъ и чувствъ, которымъ одно присутствіе неожиданнаго гостя не давало перейти въ безотрадную горестъ. Она думала о богатствѣ своего отца, которое озадачило ее съ той самой минуты, какъ получила она отъ него, при выпускѣ изъ института, нѣсколько коробовъ, коробковъ и коробочковъ, наполненныхъ роскошнымъ бѣльемъ, нарядами и драгоценностями, надъ которыми разѣхались ея подруги и классныя дамы. Изъ чтенія и изъ бесѣдъ съ такими людьми, какъ Нечай, она получила невыгодное понятіе вообще о членахъ земской полиціи, богатѣющихъ скрытыми отъ общества средствами. Ее часто занимала мысль: каково-то подвизается ея отецъ въ должности исправника? Отвѣтомъ на этотъ вопросъ были его великолѣпные подарки, по случаю ея выпуска. Ей было стыдно передъ самой собою, когда она вообразила, что все это было результатомъ такихъ сценъ, какія она читала у журнальныхъ обличителей беззаконія, облеченнаго въ форму законности. Но она успокоила себя мыслью, что отецъ, вѣроятно, много лѣтъ копилъ остатки своего жалованья, чтобы порадовать любимое дитя блестящими игрушками. Великолѣпная карета со множествомъ сундуковъ и вкладокъ полуразрушила ея успокоительныя размышленія, а счастливый отецъ, не подозрѣвая, что дѣлается въ

душѣ прелестной дочки, всю дорогу твердилъ ей, съ природнымъ своимъ добродушіемъ, что она теперь не узнаетъ своего дома. Въ самомъ дѣлѣ она нашла всю обстановку домашняго быта своихъ родителей далеко не тою, какую сохранила въ дѣтскихъ воспоминаніяхъ. Только закулисный штатъ горничной прислуги оставался всё такимъ же убогимъ и смиреннымъ, какимъ она его оставила. Блестящіе на стѣнахъ обои и шелкъ на неуклюжей мебели, своею разительной противоположностью, дѣлали эту убогую толпу еще бѣднѣе, чѣмъ она была въ самомъ дѣлѣ; а множество морщинъ, прибавившихся на постныхъ лицахъ кормилицы и нянекъ Нины, были для ея любящей и симпатичной души вопіющими письменами, по которымъ она читала исторію быстро возрастающаго благоденствія своихъ родителей. Обо всемъ этомъ и о многомъ другомъ думала наша институтка, и грустные думы ея отразились въ музыкѣ. Въ ея игрѣ слышался голосъ тоскующаго ангела, обозрѣвающаго смущеннымъ взоромъ страшные вертепы, въ которыхъ толпятся, въ грустномъ безпорядкѣ, Божій народъ, не зная, какъ найти выходъ.

Этому впечатлѣнію грусти не поддались одні только дочери стряпчача, у которыхъ въ ушахъ звучали пьесы, недавно разученныя ими подъ руководствомъ свирѣпаго подражателя Листа. Всѣ остальные слушатели, каковы бѣ ни были у нихъ сердца, почуяли въ музыкѣ Нины что-то какъ-будто давно знакомое, родное, и конечно никому не приходило въ голову, что всѣ они — и Гаврило Петровичъ, пристрастившійся къ роскоши, и Антонъ Петровичъ, обратившій своихъ крестьянъ въ домочадцевъ, безъ всякихъ правъ собственности, и Петро Петровичъ, считающій все то дозволеннымъ, чего не въ силахъ преслѣдовать законъ, спутанный такими господами, какъ его братецъ, и стряпчій, и барышни Чечотки, и всѣ до одинаго — были взлелѣяны, въ нѣжномъ, неповинномъ дѣтствѣ, подъ музыкальнѣйшія въ мірѣ, подъ самыя поэтическія въ мірѣ, украинскія пѣсни. Не подозревая, что значить и откуда происходитъ одолеваящая его кака-то тоска, Антонъ Петровичъ, разставивъ ноги и повѣсивъ голову, принялся отъ всего сердца плакать, и напоминалъ въ этомъ положеніи быка на такъ называемомъ *рѣвищѣ* ⁽¹⁾, гдѣ флегмати-

(1) *Рѣвищемъ* называется мѣсто, черезъ которое быки и коровы не мо-

ческое животное вдруг останавливается, роетъ рогами землю и жалобно рычитъ, само не зная, чего. Прочіе также были болѣе или менѣе тронуты; но какъ Иволгинъ, подмѣтя слезы Антона Петровича Мотузочки, сдѣлалъ нѣсколько искусныхъ гримасъ, то барышни Чечотки первыя, а за ними Протазанова и другіе, начали осторожно смѣяться. Только отецъ и мать музыкантки ничего не видѣли и не слышали, и отъ всей души предались родительскому восторгу.

— По истинѣ скажу, возвысилъ голосъ Иволгинъ, когда Нина кончила, — что вы, Анна Гавриловна, играете никакъ не хуже нашей губернаторши.

Тутъ онъ гордо посмотрѣлъ на все свое общество, потому что одинъ онъ былъ знакомъ съ «начальницею губерніи» домашнимъ образомъ. (Исправникъ тоже зналъ ее лично, но состоялъ съ нею въ официальныхъ отношеніяхъ).

— Это, скажу вамъ, дама — цвѣтъ и украшеніе аристократическаго круга, продолжалъ Иволгинъ. — Надобно, непременно надобно васъ представить ей, Анна Гавриловна! Недавно я былъ въ губернскомъ нашемъ городѣ... Встрѣтила меня съ радостнымъ лицомъ: «Посмотрите, говоритъ, любезнѣйшій Капитонъ Павловичъ, какую брошку пожаловала мнѣ великая княгиня.» Въ самомъ дѣлѣ, брошка дивная. Но я говорю ей: «Ваше превосходительство, вы слишкомъ низко изволили приколотъ ее: она выше будетъ имѣть другой видъ», и тотчасъ приколотъ ей, какъ слѣдуетъ.

На этотъ разъ Иволгинъ показался институткѣ пьянымъ, и она боязливо попятилась отъ него назадъ. Это движеніе было тотчасъ замѣчено барышнями Чечотками, и онѣ, отойдя въ уголокъ съ Протазановой, смѣялись отъ всей души, присовокупляя къ разсказу Иволгина какія-то объясненія.

Такимъ образомъ вечеръ проходилъ въ невинныхъ семейныхъ удовольствіяхъ, и если кто не принималъ участія въ общей радости, такъ это старшая дочь стряпчего, которой не удалось показать свой музыкальный талантъ на новомъ роялѣ, выписанномъ изъ Петербурга. Для нея рояль заказывалъ въ губернскомъ городѣ услужливый подражатель Листа. Инструментъ вышелъ от-

гутъ пройти равнодушно, почуявъ недавно, а иногда и давно пролитую кровь.

личной прочности, такъ что никакія руки не были для него страшны; но всё же вещь петербургская имѣетъ что-то обаятельное для провинціальныхъ глазъ. А главное — надобно было поразить барышень Чечотокъ, которыя очень тонко и зло смѣялись надъ стряпчими барышнями, что онѣ еще недавно сами бывало жнуть у себя на нивѣ, вмѣстѣ съ своею маменькою, дочерью убогой вдовы-попадъи. Еслибъ Чечотки смѣялись не такъ тонко, то нашлись бы стряпчанки, какъ отвѣчать имъ, и выставили бы имъ на видъ, что лучше собственными руками жать на нивѣ, чѣмъ перехватывать чужія письма и писать подъ чужую руку отвѣты. Вступились бы они и за свою маменьку, сказавши, что хотя она и простая женщина, но зато не рѣзала кость дѣвушкамъ, которыя ничѣмъ не хуже ихъ, Чечотокъ. Много бы сильныхъ и краснорѣчивыхъ выраженій излилось изъ устъ молчаливыхъ стряпчанокъ на чистомъ украинскомъ языкѣ, которымъ онѣ владѣли въ совершенствѣ. Но въ томъ-то и бѣда, что, съ одной стороны, старыя дѣвы клевали ихъ въ сердце очень искусно, а съ другой — надобно было возражать имъ на языкѣ иностранномъ, російскомъ, который употребляется нашими невоспитанными въ пансіонахъ панночками только по праздникамъ, когда къ нимъ являются изъ уѣзднаго суда подражатели Листа, или армейскіе офицерки, скучающіе до сумасшествія посреди простолюдиновъ. Старшая стряпчанка была въ этотъ вечеръ истинная страдальца; да и все семейство стряпчихъ какъ-то приуныло, увидѣвъ, что Иволгинъ все свое вниманіе и угодливость посвящаетъ новой царицѣ красоты, дочери исправника. Чтò касается собственно стряпчаго, то онъ грустилъ еще больше оттого, что невозможно было составить пульту, такъ какъ исправникъ никогда не смѣлъ развернуть зеленого стола въ присутствіи Конашевича, зная, что онъ тотчасъ уѣдетъ. Но Конашевичъ и безъ того ужъ засидѣлся: визиты его рѣдко бывали такъ продолжительны. Онъ всё посматривалъ на своего гостя, Нечая, и очевидно, для него только оставался въ этой толпѣ долѣе обыкновеннаго; а когда увидѣлъ, что Нечай слишкомъ дорогою цѣною покупалъ удовольствіе видѣть свою ученицу, онъ перекинулся съ нимъ парюю словъ, и оба взяли за шляпы. Ихъ, по обычаю нашей уѣздной жизни, упрасивали остаться, если не для нихъ, то для ужина; но оба они оказались людьми неужинающими, ухватиться больше бы-

ло не за что, и хозяева, такъ сказать, выпустили изъ рукъ ихъ помы.

— Непремѣнно, непремѣнно завтра къ вамъ, Михайло Андреевичъ! сказалъ прощаясь исправникъ и проводилъ гостей на крыльцо, въ сопровожденіи своихъ малютокъ, которыя, вооружась кусками хлѣба, намазаннаго масломъ, желали посмотрѣть на лошадей.

— Отчего это, папа, спросилъ старшій сынокъ, — у насъ тысячи душъ нѣту, а лошади лучшія и экипажъ лучшій, и кучеръ нашъ въ золотомъ поясѣ?

— Оттого, мой другъ, отвѣчалъ добродушно исправникъ, — что я служу, такъ начальство меня награждаетъ.

— И я буду исправникомъ, папа!

— Учись, душенька, такъ и ты будешь исправникомъ.

— Я куплю себѣ такую карлету, какъ у Нины, и всё буду въ карлетѣ сидѣть!

Исправникъ поднялъ и расцѣловалъ своего любимчика.

VI.

Родители и гости озабочиваются будущностью институтки.

— Отчего ты такъ молчалива, Ниночка? спрашиваетъ исправница у своей дочери съ такимъ нѣжнымъ участіемъ, къ какому только была способна ея въ самомъ дѣлѣ чадолюбивая душа.

Что было отвѣчать на это Нинѣ?...

— Я всегда такова, маменька, отвѣчаетъ она.

Но это была неправда, и какая неправда! Еще такъ недавно она была оживлена присутствіемъ дорогаго для нея гостя, и только съ его удаленіемъ сдѣлалась молчалива.

Нина была очень дружна съ Нечаемъ. Это значитъ, что она его любила подъ видомъ дружбы. Но ей не приходило въ голову, чтобъ ихъ отношенія могли перейти въ болѣе близкія. Она всё еще смотрѣла на него, какъ на наставника, и гордилась его вниманіемъ, которое цѣнила очень высоко. Еслибъ она знала, что у него давно живетъ въ душѣ желаніе присвоить ее себѣ на всю жизнь, во сколько разъ она была бы теперь счастливѣе! отъ какихъ тяжкихъ мукъ была бы она теперь свободна! Можетъ быть,

все кругомъ показалось бы ей въ иномъ свѣтѣ, и не томилъ бы ее до такой степени сіяющая обстановка родительскаго дома. Она далека была отъ мысли, что онъ готовъ освободить ее изъ этого душнаго круга, подавляющаго въ ней все живое, разумное, свободное, и возвратитъ въ общество такихъ людей, какъ онъ самъ. Въ удаленіи отъ роднаго дома, добрые люди научили ее лучшему, болѣе глубокому разумѣнію жизни, чѣмъ научилась бы она дома, — и для чего же? чтобы разойтись на-вѣки съ тѣмъ обществомъ, среди котораго она родилась, чтобы въ отцѣ и матери увидѣть людей не ея убѣждений, не ея нравственности.

А нѣжная мать ожидаетъ отъ нея побѣдъ надъ языками сосьдокъ, а отецъ видитъ въ ней средство войти въ родство съ богатѣйшимъ домомъ въ уѣздѣ, и уже вертится въ его воображеніи молодой обладатель семисотъ душъ и шести тысячъ десятинъ превосходнѣйшей земли, у котораго притомъ есть въ виду наследство, имѣющее удвоить его благосостояніе. Правда, этотъ молодой счастливецъ надѣленъ отъ природы наружностью, которую сосѣдки съ сожалѣніемъ находили простонародною; но не сомнѣвается исправникъ, что семь-сотъ душъ сдѣлаютъ его въ глазахъ дочери образцовымъ бариномъ. Правда и то, что этотъ господинъ вынесъ изъ университета одну охоту повторять чужія слова; но въ глазахъ пана Квача, получившаго воспитаніе въ какомъ-то 49 пѣхотномъ полку, онъ былъ фениксъ образованности. Еще извѣстно было о предметѣ нѣжныхъ помышлений исправничьихъ, что сей предметъ не обнаружилъ склонности ни къ какому сколько-нибудь серьезному занятію и пребываетъ въ постоянной лѣни и разсѣянности; но кто же можетъ налагать условія серьезнаго труда на человѣка, которому судьба еще до рожденія заготовила роскошное обезпеченіе на самую долготѣнюю жизнь? Такимъ образомъ участь втайнѣ тоскующей Нины была уже, можно сказать, рѣшена, и рѣшена не только въ умѣ ея почтеннаго папаша, но и въ умѣ барышень Чечотокъ, что вовсе не такая бездѣлица, какъ это можетъ показаться невникнувшему въ ихъ характеръ читателю.

Син двѣ дѣвы, давно лишившіяся природныхъ своихъ руководителей на пути жизни, шествовали по этому пути самыми смѣлыми и рѣшительными шагами. Необычайная ихъ храбрость, достойная коронованныхъ повелительницъ рода человѣческаго, от-

пугнула отъ нихъ всѣхъ жениховъ, порывавшихся внутренно къ ихъ наслѣдственному благосостоянію. Зато онѣ сдѣлались диктаторами цѣлаго уѣзда или по крайней мѣрѣ той среды, которая ихъ окружала, по части устройства и разстройства брачныхъ союзовъ. Еслибы я не былъ стѣсненъ законными предѣлами моего повѣствованія, то могъ бы описать здѣсь, какъ онѣ, на-перекорь отцу, матери и братьямъ, выдавали молоденькихъ и хорошенькихъ дѣвицъ за старыхъ и истасканныхъ уродовъ, и имѣли потомъ удовольствіе оплакивать, вмѣстѣ съ родными своей жертвы, печальную развязку подобныхъ браковъ. Это были истинныя мастерицы своего дѣла, и если только онѣ рѣшили въ своемъ умѣ, чтобы такой-то быть за такимъ-то, то развѣ одна смерть, или крутой, неожиданный и, разумѣется, скандалѣзный поворотъ ихъ субъекта могъ разрушить ихъ глубоко разсчитанныя соображенія. Иногда онѣ совершали подвиги виѣ всякихъ предѣловъ вѣроятности, и разводили навѣки такихъ супруговъ, которые давно выдали замужъ, при ихъ же содѣйствіи, дочерей и дожили уже до внучатъ. Зато и наоборотъ, еслибъ имъ вздумалось женить внука на бабушкѣ, или дѣдушку на внучкѣ, то и передъ подобнымъ предпріятіемъ онѣ бы не остановились.

И сіи-то могущественныя волшебницы нашего уѣзда начертали уже планъ жизни институтки, между тѣмъ какъ она взирала на нихъ, какъ на особъ, съ которыми никогда не можетъ имѣть ничего общаго. Уже сообщено было объ этомъ къ свѣдѣнію и, въ надлежащемъ случаѣ, къ исполненію великолѣпнѣйшей женщины, окруженной живыми портретами покойнаго мужа. Уже введенъ былъ въ разговоръ, ни для кого незамѣтнымъ способомъ, господинъ Каптуровъ, по имени Павелъ Мироновичъ, и хотя всѣ, кромѣ Нины, знали, что онъ окончилъ курсъ въ университетѣ, что у него столько-то земли во владѣніи, но обо всемъ этомъ закипала бесѣда съ такою живостью, какъ-будто каждый изъ собесѣдниковъ сдѣлалъ неожиданное открытіе.

Барышни-стряпчіе, ненадѣявшіяся привлечь къ себѣ лестное вниманье молодого богача, и неумѣвшія попасть въ тактъ новой для нихъ жизни, указали спроста на его простонародную наружность; но это неумѣстное замѣчаніе дало только новый толчекъ убѣдительному краснорѣчію прочихъ дамъ, которыя, къ великому удовольствію хозяина, доказали, что выраженіе лица молодого Кап-

турова совершенно дворянское, величественное, вальяжное, и что изъ него современемъ выйдетъ отличный предводитель благороднаго сословія.

Иволгинъ, ухаживавшій за Каптуровымъ ради его богатства, но страдавшій отъ превосходства его свѣжепросольной образованности, сказалъ, что не мѣшало бы ему быть немножко остроумнѣе и повоздержаться отъ чтенія наизусть печатныхъ страницъ, въ видѣ разговора съ дамами. Но выходка Иволгина принята была съ рѣшительнымъ негодованіемъ, и исправникъ замѣтилъ, въ качествѣ общественнаго дѣятеля, что если такъ будутъ поощрять молодыхъ дворянъ къ обогащенію себя познаніями, то никто не станетъ посылать дѣтей въ университеты.

Братья поддержали исправника и объявили, что господинъ Каптуровъ дѣлаетъ честь всему ихъ благородному сословію и составляетъ украшеніе уѣзднаго общества.

Въ странное положеніе поставлена была Нина, къ которой обращались все лица и глаза, какъ-бы отдавая ей на судъ каждую фразу и требуя ея мнѣнія. Дядя Антонъ Петровичъ подсѣлъ къ ней съ одной стороны и внушительнымъ тономъ объявилъ ей, размахивая передъ ней широкими обшлагами длинныхъ рукавовъ своихъ, что Павелъ Мироновичъ можетъ служить образцомъ свѣтской любезности и ловкости; а дядя Петро Петровичъ придвинулся къ ней со своимъ стуломъ съ другой и увѣрялъ ее, что молодой сосѣдъ ихъ пользуется самою безукоризненною репутаціею въ уѣздѣ.

Нинѣ было тѣсно и жарко въ толпѣ, разгорячившейся по поводу спора. Громкіе голоса, сражавшіеся одинъ съ другими, оглушали ее. Она съ трудомъ улучила моментъ, чтобы вырваться на просторъ, въ садъ; но и тамъ не позволили ей остаться одной. Многочисленная толпа, послѣдовавъ за нею, шумно утверждала, что прогулка вечеромъ по саду очень пріятна, хотя, безъ Нины, никто и не подумалъ бы подышать свѣжимъ воздухомъ, такъ какъ у насъ въ уѣздѣ вообще не понимаютъ, чтобы можно было находить удовольствіе въ движеніи, безъ хозяйственной надобности.

Нина, очутившись между сестеръ Чечотокъ, которыя, съ видомъ дружескаго покровительства, подхватили ее подъ руки, спѣшила сойти по спуску прямой дорожки къ болоту, которымъ замыкалась перспектива. Увѣщанія спутницъ и спутниковъ, что

внизу сыро и непріятно, не остановили ея. Ей хотѣлось взглянуть на дикую природу, непокоренную наемнымъ садовникомъ роскошному господству ея папеньки. Болото, съ блестящими нитями воды въ его заросляхъ, сохранило тотъ самый видъ, какой имѣло въ ея дѣтствѣ. Мѣсяцъ выкатился краснымъ шаромъ изза очерету и зарумянилъ воду точно такъ, какъ и во времена оны, когда нянька не позволяла ей указывать рукой на небесное чудо Божіе. Въ водяномъ царствѣ, покрытомъ высокими травами, кустами и лепехами, полно было говору, напоминавшаго ей лѣтніе вечера, когда она оставалась одна съ дворовыми дѣвчатами и вслушивалась попеременно то въ этотъ таинственный говоръ, то въ пѣсни усѣвшихся въ кружокъ дѣвчатъ, то въ ихъ фантастическіе и страшные рассказы о непроходимыхъ болотныхъ топяхъ и разныхъ приключеніяхъ среди этихъ топей. Съ какимъ бы удовольствіемъ осталась она и теперь одна въ саду! Пускай бы ея нѣжные родители попрежнему ѣхали себѣ куда-нибудь на пмянины, на свадьбу, на праздникъ, на балъ, а ее бы оставили подъ охраною этой бѣдной, затасканной, но добродушной и даже веселой толпы домашней челяди, которая, очевидно, выѣздъ господъ въ гости считаетъ своимъ праздникомъ и умѣетъ провести время въ свое удовольствіе даже безъ музыки, безъ нарядовъ и угощеній. Но то время прошло, и уже не воротится. Теперь ужъ она не *Галя*, какъ ее запросто звала горничная прислуга, а Анна Гавриловна, и никто ужъ не назоветъ ее нѣжнымъ украинскимъ именемъ, ни даже родная мать, которая прозвала ее, по какому-то высшему образцу, Ниною. Теперь всѣ старыя и вновь появившіяся въ домѣ служилыя фигуры, даже и въ порывѣ усердія, приближаются къ ней съ какимъ-то обратившимся въ привычку подбострастіемъ, которое не допустило бы уже той искренности и свободы, съ какою прежде шла между ними бесѣда въ присутствіи панночки, которой всѣ говорили *ты*. Теперь отецъ и мать не оставляютъ ее дома одну и повезутъ ее по всему уѣзду, чтобы сдѣлать ее участницею въ тѣхъ общественныхъ удовольствіяхъ, которымъ нѣкогда сами они предавались съ такимъ увлеченіемъ. Теперь она у всѣхъ на виду, у всѣхъ на примѣтѣ. Ей не дадутъ покаместъ шагу ступить свободно. Ей не позволяютъ насмотрѣться даже на дивное свѣтило небесное, которое, въ своей величавой и спокойной красотѣ, вѣчно кажется человѣку новымъ, еще неви-

даннымъ явленіемъ. Вдохновенную свыше пѣснь поетъ ей неподвластная уѣзднымъ властямъ природа, но никто не хочетъ вслушаться въ эту пѣснь, и счастливая маменька самымъ нѣжнымъ, ласковымъ голосомъ зоветъ свою Нину ужинать. Повторяющееся каждый день слово *ужинать* производитъ на все общество несравненно пріятнѣйшее впечатлѣніе, нежели полный, румяный мѣсяцъ, рѣдко являющійся хлопотливому человѣку въ такой торжественной красотѣ.

Идутъ ужинать, спѣшать ужинать. Съ веселымъ говоромъ и оживленнымъ выраженіемъ въ лицахъ садятся за ужинъ.

VII.

Ужинъ и разъѣздъ гостей.

Госпожа Протазанова выставляетъ по одну сторону стола длинный рядъ вѣрныхъ портретовъ покойнаго мужа, уменьшающихся постепенно въ объемѣ, но оживленныхъ однимъ и тѣмъ же выраженіемъ. Прелестныя малютки, отъ тринадцати до двухъ лѣтъ, перестали теперь смотрѣть на Нину съ отвислою нижнею губою, свидѣтельствующею то удивленіе, съ какимъ, по народной поговоркѣ, теленокъ смотритъ на новую дверь, и вперяютъ все свое вниманіе на блюда, разносимыя неугомонною Пазькою и ливрейнымъ лакеемъ, не сводя ни на одно мгновеніе глазъ и глазенокъ своихъ съ толстыхъ и тонкихъ, смуглыхъ и бѣлыхъ рукъ, которыя поочередно простираются къ блюдамъ и уменьшаютъ болѣе или менѣе ихъ объемъ, смотря по аппетиту того, кому онѣ принадлежатъ. Руки, принадлежащія Антону Петровичу Мотузочкѣ, уменьшали объемъ каждаго блюда въ такой степени, въ какой бывало уменьшалъ всегда и вездѣ подносимыя кушанья покойный родитель маленькихъ Протазановыхъ, котораго образъ и подобіе сохранили они въ столькихъ экземплярахъ, въ утѣшеніе осиротѣлой матери.

Иволгинъ, помѣстясь противъ Нины, былъ съ нею очень любезенъ, такъ какъ въ напиткахъ у исправника не было недостатка, и между прочимъ разсказалъ ей, что хотя онъ лишенъ удовольствія проводить семейную жизнь, но что у него въ домѣ есть *дѣтская*. Онъ былъ очень доволенъ, что вызвалъ живую краску на прелестныя щечки своей *визавой*, какъ гово-

рятъ у насъ въ уѣздѣ нѣкоторыя весьма почтенныя дамы, и тутъ же объяснилъ ей, что дѣтми своими называетъ онъ боченки съ *дулівкою*, *сливянкою* и другими наливками, которыхъ съ осени всегда у него готовится большое количество, но подѣ конецъ зимы, къ великому посту, ничто ужъ не мѣшаетъ ему помышлять о спасеніи души. Можетъ быть, въ другихъ обстоятельствахъ, его сколько-нибудь смутили бы насмѣшливые взгляды вѣчныхъ его гонительницъ, барышень Чечотокъ, и ихъ слова, бросаемаыя въ него въ видѣ трескучихъ гранатъ; но подѣ защитою бутылокъ, которыя онъ сдвинулъ около своего прибора, Иволгинъ былъ храбръ до невѣроятности, такъ что подѣ конецъ ужина Пина принуждена была дѣлать видъ, что его не слышитъ, и самъ хозяинъ сказалъ ему съ обычнымъ своихъ добродушіемъ по-украински: *Ну бо, брѣтѣку! що ти тамъ брѣнешь?*

Ужинъ идетъ, однакожъ, очень весело; только нѣжная маменька Пины всё беспокоится, что дочка мало кушаетъ. Этимъ Пина возбуждаетъ въ добродушной старухѣ стряпчей и въ обѣихъ своихъ теткахъ, второй и третьей женахъ обоихъ дядюшекъ, серьезныя опасенія на счетъ ея здоровья. Наши милыя и любезныя дамы привыкли измѣрять здоровье близкихъ сердцу особъ количествомъ отправляемымъ въ ротъ кусковъ.

Для вѣрности повѣствованья, долженъ, однакожъ, я сказать, что не одна Пина кушала мало. Иволгину что-то не здоровилось, и онъ обратилъ главное свое вниманіе на напитки. Меньшая дѣвица Чечотка тоже не отличалась аппетитомъ. Лицо у ней было какое-то вдохновенное, что никогда не предвѣщало добра, и тотъ бы не ошибся, кто бы подумалъ, что она, при всей многорѣчивости своей, высказываетъ не болѣе десятой доли того, что у нея кипитъ въ душѣ. А кипѣло у нея въ душѣ много, много всякихъ горючихъ, расплавленныхъ матеріаловъ. Во-первыхъ, она вспомнила въ этотъ вечеръ какъ-то особенно живо, что и она была когда-то также молода, какъ исправницкая дочка. Во-вторыхъ, сравнила она исчезнувшую красоту свою съ этой роскошной красотою и, въ самолюбивомъ ослѣпленіи, отдала своему прошедшему рѣшительное превосходство. Далѣе, пришли ей на мысль лѣтнія ночи въ саду, проведенныя когда-то напролетъ съ человѣкомъ, на котораго нельзя было досыта наглядѣться, котораго нельзя досыта послушаться. Онъ не принадлежалъ къ толпѣ уѣздныхъ по-

мѣщиковъ и ихъ неженатыхъ сыновей, которыхъ она, въ минуты ожесточенья, называла вообще сопунами: онъ прїѣзжалъ на короткое время домой изъ просвѣщеннаго въ высокой степени общества; отъ него такъ и сіяло высшее просвѣщеніе; онъ говорилъ языкомъ, едва доступнымъ для уѣзднаго разумѣнія, и, вдали отъ наблюденія родныхъ и знакомыхъ, а именно, по ночамъ, въ глухомъ саду, посвящалъ ей много часовъ краснорѣчивой бесѣды. Могла ли она думать, что для этого члена просвѣщеннаго въ высшей степени общества она была не болѣе, какъ легкою забавою, на время его деревенскихъ отдыховъ, и что онъ предпочтетъ ей вдову съ высокопревосходительною роднею? Дѣ, у людей вышшаго просвѣщенія тоже бываютъ слабости въ родѣ страсти къ обогащенію или къ выходу въ люди посредствомъ антипатичной женитьбы, и молодая, прекрасная собою, щедро одаренная природою и страстно любящая дѣвушка сдѣлалась жертвою такого попользованія. Теперь эта дѣвушка сидитъ за ужиномъ, рядомъ съ расцвѣтшею красавицею, точно выточенная изъ пожелтѣвшей кости. Сохранились слѣды того, чѣмъ она была когда-то, въ тонкихъ и умныхъ чертахъ лица ея, но вдохновенное ихъ выраженіе дышетъ какой-то злобою. Рѣчь ея замѣтно отличается выборомъ словъ и оборотовъ отъ рѣчи всей честной компаніи, не исключая и самого Иволгина: видно, что она многимъ позаимствовала отъ своего ночного собесѣдника, но эта рѣчь приправлена такими острыми спичками, что самъ Иволгинъ, среди своихъ любезностей, отъ времени до времени останавливается и встряхиваетъ головой, какъ медвѣдь, ужаленный пчелою.

Другая барышня Чечотка, отличавшаяся всё еще богатыми золотистыми волосами и извѣстная въ уѣздѣ не столько природнымъ умомъ, сколько готовностью на все дурное, что она воображала прекраснымъ, кушала довольно исправно, смѣясь вмѣстѣ съ госпожей Протазановой остромамъ своей сестры, и никто бы не подумалъ, что это — бывшая невѣста Иволгина, совершенно успокоившаяся отъ самой нѣжной, самой безразсудной любви къ нему. Заброшенныхъ въ уголь и забытыхъ романовъ и насъ въ уѣздѣ множество. Можетъ быть, ни въ одномъ уѣздѣ нѣтъ ихъ столько, какъ въ нашемъ захолустьи, котораго я далеко еще не изучилъ вполне. И надобно отдать справедливость нашимъ женщинамъ: онѣ во сто кратъ лучше нашихъ мужчинъ. Если онѣ полюбятъ,

то любятъ горячо и остаются вѣрны своему чувству до конца. Правда, иногда бѣдный любовникъ, или мужъ, не знаетъ, куда дѣваться отъ ихъ горячихъ чувствъ, и очень охотно уменьшилъ бы эти чувства на девять десятыхъ. Правда и то, что, отъ излишней преданности къ любимому существу, онѣ царапають его иногда очень больно по сердцу (если таковое имѣется) и гонять отъ себя за тридевять земель. Но всё же это лучше того коварнаго равнодушія къ участи увлеченной женщины, которое обнаружилъ оный высоко просвѣщенный господинъ, или холопскаго способа измѣны, которую дозволилъ себѣ Иволгинъ съ златовласою барышнею-сосѣдкою. Онъ пополнялъ ущербъ своихъ финансовъ изъ ея кошелька до-тѣхъ-поръ, пока кошелекъ совершенно истощился, и потомъ обнаружилъ передъ ней инстинктивное отвращеніе къ брачному обязательству. А какой славный былъ это романъ! Сколько было явлено истинно женскаго самоотверженія со стороны героини, въ то время прехорошенькой блондинки, золотоголовой, голубоглазой, свѣжей какъ роза! Кто помнитъ, какъ она любила, какъ она страдала, съ какимъ самопожертвованіемъ отдалась было корнету Иволгину, тогда еще не обрюзглому и необветшавшему; тотъ до сихъ поръ не можетъ смотрѣть на нее безъ уваженія. Но этотъ романъ уже давно заброшенъ въ уголъ и валяется тамъ вмѣстѣ съ изломанными прялками, динцами и другимъ хозяйственнымъ хламомъ. Иволгинъ встрѣчается съ своей Мальвиной, какъ прозвалъ онъ ее во время оно, совершенно спокойно. Она тоже смотритъ на него равнодушнымъ и почти презрительнымъ взглядомъ, и если проявляется въ ней что-то страстное къ нему, то не иначе, какъ въ видѣ ѣдкой насмѣшки, въ чемъ младшая, гораздо болѣе даровитая, сестра помогаетъ ей безъ всякой особенной злобы къ Иволгину, а такъ, изъ любви къ предмету.

Жалкіе! всѣ они болѣе или менѣе несчастны, болѣе или менѣе уроды, неизлечимые калѣки, надломанные люди, надорванные души... Выписная машина гражданственности прошла изъ конца въ конецъ по ихъ захоластьямъ и кой-кого швырнула, обработавъ наскоро, въ другія губерніи, для разныхъ полезныхъ и вредныхъ употребленій, а многихъ, подобныхъ исправичьему обществу, только переломала, выворотила наизнанку, одурманила на-вѣки и бросила на мѣстѣ, какъ-будто только для того, чтобы труд-

нѣе было справиться съ мѣстнымъ населеніемъ другой гражданственности, болѣе естественной, болѣе разумной. И вотъ они копышутся себѣ въ умственныхъ потемкахъ и доживаютъ вѣкъ, барахтаясь въ грязи. Сколько бы вышло людей изъ этого общества при другомъ порядкѣ вещей, подъ иными вліяніями! Эти самыя дѣвицы Чечотки, воспитанныя не въ помѣщичьемъ домѣ, роскошномъ и грязномъ, суевѣрномъ и дѣннвомъ, надменномъ и низкопоклонномъ, номинально благородномъ и фактически хипномъ, были бы украшеніемъ лучшаго человѣческаго общества: столько имъ отмѣрено щедрою украинскою природою красоты, естественной граціи, ума и сердца, — сердца въ особенности! Но, подбитыя несчастной своей любовью при началѣ жизни и лавируя потомъ между женихами безъ любви, по указанію дворянской политики, — онѣ мало-помалу потеряли все, что можетъ нравиться въ женщинѣ даже и такому господину, какъ Антонъ Петровичъ Мотузочка, сдѣлались язвою своего общества, и безъ того пораженного всякими нечистыми заразами. Преслѣдуемый ими на каждомъ шагѣ Иволгинъ выражался объ нихъ, въ своемъ ожесточеніи, рѣзко, но справедливо. Онъ говорилъ: »Если добрые духи не сдѣлали изъ женщины ничего хорошаго, пока она была молода и прекрасна, то дьяволы берутъ ее къ себѣ на фабрику и выдѣлываютъ изъ нея кислую горечь, отъ которой морщится всякое живое созданіе».

Иволгинъ выражался иногда классически и могъ назваться представителемъ умственного развитія всего мужского населенія своего околотка, точно такъ какъ барышни Чечотки были достойными представительницами женскаго. И этикія могущественныя личности, засѣвъ по обѣ стороны стола въ ближайшемъ сосѣдствѣ съ Ниною, развернули передъ нею всѣ боевыя свои силы въ неслыханныхъ ею доселѣ словахъ и фразахъ, между тѣмъ какъ остальное общество занималось дѣломъ совершенно мирнымъ и очевидно полезнымъ. Нина очень обрадовалась, когда наконецъ ужинъ кончился и гости потребовали къ себѣ пріѣхавшихъ съ ними лакеевъ.

— Что у тебя такая заспанная физиономія?

Этотъ вопросъ предложила своему Филькѣ младшая изъ барышень Чечотокъ. Другіе гости, какъ напримѣръ стряпчій, или

хоть и госпожа Протазанова, обратились къ своимъ Элькамъ, Филькамъ и Кузькамъ въ болѣе простыхъ выраженіяхъ:

— Ты, Элька, хотьбы немного пригладилъ свою кучму. (Это значило, что у Эльки волосы на головѣ были неприлично взерошены).

Или:

— Что у тебя, Кузька, за скверная мужичая натура? Вѣчно тебя надо отыскивать по хатамъ!

Всѣ эти увѣщанія предлагались во всеуслышанье въ гостяхъ, и потому облекались, какъ читатель видитъ, въ утонченныя формы. Напротивъ, дома, гдѣ можно быть гораздо прямодушнѣе, — къ тѣмъ же самымъ личностямъ обратились бы барышни Чечотки и сама госпожа Протазанова въ болѣе натуральныхъ выраженіяхъ, и уши нашей Нины, отвыкшей отъ сельской мелкопомѣстной жизни, могли бы услышать фразы въ родѣ слѣдующихъ:

— А что это у тебя морда такъ расплылась? Всѣ только спишь, а проснувшись пьянствуешь!

Элька, Филька или Кузька отвѣчалъ бы на полурусскомъ языкѣ, еще не совсѣмъ выломанномъ господами, что онъ и въ ночь не досыпаетъ (хотя это была бы ложь), а пьянствовать ему не на что.

На это ему возразили бы совершенно основательно, что скорѣй у господъ хлѣба не станетъ, а у такого гайдамаки, какъ онъ, всегда найдется, что снести въ шинокъ.

Тутъ Элька, Филька или Кузька попытлся бы къ порогу, неизвѣстно изъ какой предосторожности, а довольная своимъ краснорѣчіемъ барышня или барыня вдругъ перемѣнила бы предметъ бесѣды и спросила бы:

— А это гдѣ уже клѣпотъ изъ армяка вырвалъ?

Отвѣтъ былъ бы самый искренній: *не знаю*. Но господскій языкъ возразилъ бы на это въ дидактическомъ духѣ, и даже съ примѣсю народнаго языка:

— Вырви себѣ ность, вырви себѣ око и не знай, — чортъ твоего бѣтѣка бери! Но кла-а-потъ... знай ты, каторжный твой духъ!

Сильнѣе этого ничего сказать невозможно, и потому, не вступая въ дальнѣйшія контроверсіи съ кучеромъ, съ лакеемъ или кто бы то ни былъ этотъ Элька, Филька или Кузька, велѣли бы ему, послѣ этого, сдѣлать то-то и то-то, и ужъ ни мало не сомнѣвались бы, что дѣло будетъ сдѣлано какъ слѣдуетъ.

На сей разъ гости, потребовавшіе передъ себя своихъ слугъ, заспанныхъ, взъерошенныхъ, или заговорившихся въ дворовыхъ хатахъ, прочитали имъ небольшія проповѣди, собственно для того, чтобы не прямо распорядиться о закладываньи лошадей въ брички, коляски и кочъ-кареты. Это всегда ужъ такъ дѣлается въ нашемъ уѣздѣ, и кто бы вздумалъ поступать иначе, у того, по общему мнѣнію, люди начали бы ходить по головѣ. Такъ ужъ заведено изстари въ коренныхъ дворянскихъ фамиліяхъ нашего уѣзда; такъ ужъ и слуги привыкли. Поэтому и удивляться тутъ нечему. У насъ одинъ Михайло Андреевичъ говоритъ при гостяхъ съ своими людьми на какомъ-то непонятномъ языкѣ, полусловами, а иногда просто жестами. Зато жъ его и передразниваютъ барышни Трещотки очень смѣшно, хотя и осторожно. Что касается до Сагайдачнаго, то этотъ, не имѣя за собой тысячи душъ, охраняющей Конашевича отъ болѣе строгаго осужденія, и будучи радикаломъ, какихъ свѣтъ не производилъ, карается безъ всякой пощады за свои кроткіе домашніе нравы и обычаи.

Но мы уклонились въ сторону широкимъ и довольно мутнымъ теченіемъ уѣздной нашей жизни. На вечеринкѣ у исправника не было рѣчи ни объ Михайлѣ Андреевичѣ, ни о Сагайдачномъ, котораго имя какъ-то непріятно звучитъ въ ушахъ нашего дворянства, и если гдѣ-нибудь вспоминается, то не иначе, какъ съ придачею сердитыхъ и насмѣшливымъ прилагательныхъ. Гости, повелѣвъ заложить свои экипажи, занялись разговоромъ о своихъ слугахъ, сообщая другъ другу, въ каррикатурномъ видѣ, ихъ природныя свойства и привычки. Смѣху было довольно, потому что въ самомъ дѣлѣ это былъ народъ исковерканный, съ какой стороны ни возьмете его, и особенно былъ сѣранень и неловокъ въ обращеніи съ господами.

Иволгинъ, какъ человѣкъ бывалый и наблюдательный, объявилъ, что изъ Малороссіянина никогда не будетъ хорошаго лакея, что къ этому способенъ и можно сказать рожденъ человѣкъ чисто Русскій, который даже смѣется надъ собратомъ, неимѣющимъ господина, и презрительно говоритъ ему: »Эхъ ты, безгосподчина!« Но меньшая барышня Чечотка, всегдашняя преслѣдовательница Иволгина, смѣло возразила ему:

— Нѣтъ, Капитонъ Павловичъ! напрасно вы думаете, что виновата въ этомъ маллороссійская скверная, упрямая и непокорная

натура! Нѣтъ, нѣтъ! (тутъ она вытянула впередъ руку, какъ-бы желая зажать ротъ готовому съ нею спорить Иволгину): виноваты въ этомъ мы сами, мы, *здѣшніе* дворяне! (Она никогда неговорила *малороссійскіе*).

— А чѣмъ же мы виноваты? позвольте спросить васъ, сударыня, сказалъ Иволгинъ, затянувшись табакомъ Жукова и какъ-то особенно ловко колебля выставленною впередъ ногою. (Это одна изъ любимыхъ его позъ).

— Виноваты мы тѣмъ (и барышня Чечотка обвела торжественно глазами все общество, остановивъ ихъ всего выразительнѣе на Нинѣ), что неспособны подражать въ образѣ жизни, нравахъ и обычаяхъ помѣщикамъ, живущихъ въ губерніяхъ великороссійскихъ.

— Конечно, намъ далеко до нихъ, сказалъ Иволгинъ, и, чтобы дать почувствовать своей соперницѣ собственное превосходство, прибавилъ: — Тамъ барство утвердилось еще при царѣ Борисѣ Ѳедоровичѣ Годуновѣ, а Годуновъ, сударыня, если вамъ угодно это знать, царствовалъ тому назадъ болѣе двухъ-сотъ пятидесяти лѣтъ-съ. (И Иволгинъ, не безъ гордаго чувства во взорѣ, остановилъ глаза на Нинѣ). У насъ же, сударыня, вольные подсосѣдки прикрѣплены къ землѣ не болѣе восьмидесяти лѣтъ. Такъ какъ же вы хотите, чтобы наши земляки помѣщики успѣли во всемъ сравняться съ стариннымъ великороссійскимъ барствомъ? Я квартировалъ съ полкомъ въ великороссійскихъ губерніяхъ и присмотрѣлся близко къ домашнему быту тамошнихъ баръ.

Тутъ Иволгину представился прекрасный случай рассказать съ живѣйшихъ сочувствіемъ объ образѣ жизни, нравахъ и обычаяхъ нѣсколькихъ древнихъ великорусскихъ фамилій, съ которыми онъ, по его словамъ, былъ очень друженъ. Поименованные имъ чины и количества крѣпостныхъ душъ придавали его разсказу характеръ несомнѣнной автентичности.

Лакей Иволгина, по имени Стѣпка, малый повидимому цыганскаго происхожденія, но чрезвычайно похожій лицомъ на своего барина, въ самую пору доложилъ ему, что лошади поданы.

Какъ Иволгинъ поставилъ въ уголъ докуренную трубку и раскланялся съ дамами, этого не опишетъ никакое перо. Внутреннее довольство самимъ собою и увѣренность, что оставляетъ самое

пріятное впечатлѣніе въ прекрасной институточкѣ, сообщили его движеніямъ и всей фигурѣ граціозность, до которой достигаютъ немногіе, не только отставные, но и служащіе корнеты, исполненные несомнѣнной надежды быть генералами. У хозяйки поцѣлована была ручка; хозяинъ заключенъ въ тѣснѣйшія объятія; съ прочими мужчинами совершенно рукопожатіе, исполненное благородной прямоты и нѣкотораго даже ухарства.

Звенящій у дуги колокольчикъ свидѣтельствовалъ, что Иволгинъ не только помѣщикъ, но и содержатель почтовой станціи, съ которой, впрочемъ, проѣзжающіе по собственнымъ надобностямъ отправляются всего чаще на вольныхъ. Когда Иволгинъ скрылся наконецъ изъ виду, пріятный, такъ называемый на ямщицкомъ языкѣ *малиновый* звонъ его колокольчика долго еще напоминалъ оставленному обществу о его существованіи.

II. Кулишъ.

(Продолженіе общано.)